ВАЛЕРИЙ ШАМБАРОВ

Святая Русь против варварской Европы

ИСТОРИЯ ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ

Валерий Евгеньевич Шамбаров
Святая Русь против варварской Европы
Серия «История допетровской Руси»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6376276
Святая Русь против варварской Европы / Шамбаров В.Е: Алгоритм, Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-48312-9

Аннотация

Известный российский писатель Валерий Шамбаров в своем новом историческом исследовании, посвященном судьбе первого русского царя Иоанна Грозного, приходит к сенсационным выводам которые полностью переворачивают устоявшиеся мифы об этом выдающемся политическом деятеле. Автор вскрывает тайные интриги пятисотлетней давности и опровергает клевету врагов России на Грозного царя.

Содержание

От автора 4
Эпоха авантюристов 8
На границах тревожно 28
Государь Алексей михайлович 45
Москва Златоглавая 61
Дела церковные и мирские 80
Богдан Хмельницкий 97
Конец ознакомительного фрагмента. 106

Валерий Евгеньевич Шамбаров
Святая Русь против варварской Европы

От автора

Россия XVII столетия – величественная, богатая, красочная… И до удивления малоизвестная! Незнакомая. Можно сказать, что этому столетию в нашей истории вообще «не повезло». Его как бы заслонили собой преобразования Петра, пышность двора Елизаветы, достижения Екатерины. А в еще большей степени – труды лизоблюдов и заказных ученых, прославлявших эти преобразования, пышность и достижения. И для пущего прославления отвергавших и принижавших все, что было раньше. Плюс заведомо предвзятые работы маститых историков XIX в., которые уже и под сомнение не ставили, что до «европеизации» ничего путного в своем Отечестве быть не могло.

А в результате, посудите сами, разве не странно получается? Русский воин, дипломат, путешественник, наряженный в треугольную шляпу, чулки с панталонами, нелепый парик,

кажется для нас все же более «своим», в чем-то близким и родным. Как и дамы в корсетах и неуклюжих кринолинах. А воины и путешественники с бородами по грудь, в долгополых кафтанах, или девушки с косами до пят, в сарафанах и кокошниках – уже скорее «чужими». То есть вроде бы теоретически тоже «своими», но какими-то слишком уж далекими, непонятными, отделенными от нас, сегодняшних, некой дополнительной толстенной преградой. И мы не знаем, да по большому-то счету и знать не хотим, как они там жили, к чему стремились, о чем думали и какие проблемы решали…

Хотя, если брать не домыслы последующих «специалистов», а конкретные факты, то оказывается, что не в XVIII, не в XIX, а именно в XVII веке наша страна проявила свою максимальную силу и энергию, добилась наиболее впечатляющих успехов. Вдвое расширила свои пределы. Почти полностью, за некоторыми исключениями, сформировала свою национальную территорию. Создала оригинальные и эффективные структуры государственного управления, достигла вершин самобытной культуры и высочайшего благосостояния граждан.

В своей книге «Бей поганых!» я постарался представить читателю картины жизни и истории России в первой половине XVII в., в царствование Михаила Федоровича. Когда Русская земля вынуждена была подниматься практически «с нуля», с полного разорения и опустошения Смуты, отстаивать само право на существование, отбиваясь в кольце вра-

гов. И сумела не только отбиться, не только подняться, но и превратиться в великую и процветающую державу. Но при Михаиле Федоровиче шли в основном процессы внутреннего развития страны, формирования ее могучего потенциала для будущих свершений. А реализовался этот потенциал уже при его сыне Алексее Михайловиче и внуке Федоре Алексеевиче.

Вот я и приглашаю Вас заглянуть во вторую половину XVII столетия. В мир храбрых, прямых и сильных людей. Порой буйных и горячих, порой вдумчивых и осторожных. Щедрых и открытых – и хитроватых, себе на уме. Может, в чем-то наивных, но при этом и мудрых. Что ж, они и впрямь не читали газет, не знали телевидения и по вечерам зажигали не электричество, даже не керосиновую лампу, а сосновую лучину. Но, уверяю вас, жили не менее полно и многогранно, чем их далекие потомки. Они пахали землю и выращивали хлеб. От души веселились на праздниках. Учились сами и воспитывали детей. Бойко торговали. Если нужно, и по заграницам ездили – выясняется, что и в те времена это было вполне обычно. Они построили национальную промышленность, покрыв страну заводами и мануфактурами. Развивали законодательство. Создавали шедевры искусства. Осваивали Заполярье и дебри Дальнего Востока. Решили трехвековой спор за главенство в Восточной Европе, сокрушив Речь Посполитую. Громили и других врагов, причем самые мощные государства своей эпохи, тогдашних «потрясателей

мира» – шведов, Османскую империю, маньчжуров.

Но, кстати, на чужое-то не зарились. Присоединяли только то, что считали «ничьим». Или «своим», исконным. А уж наше – не трожь! И не лишне подметить, что к своим обычаям, своим традициям люди относились так же ревностно, так же бережно. Это тоже было «наше», исконное. Зачем на чужое менять? Нет уж, не трожь… В общем, впору хоть бы и сегодня повторить – для любителей перестраивать наше Отечество, переиначивать облик нашего народа и оплевывать нашу историю.

Эпоха авантюристов

Может быть, вы обращали внимание, что относительно допетровской Руси даже терминология выработалась, мягко говоря, странная. Одни авторы вообще обходят название Россия и именуют нашу страну так, как ее когда-то окрестили иностранцы – «Московия». Хотя в таком случае почему бы, например, Данию не называть «Копенгагенией», а Испанию «Мадридией»? В то время как термин Россия вошел в обиход в XV в., а при Иване Грозном стал официальным. Другие авторы говорят о «Древней Руси» или «Средневековой Руси». И получается, будто на Западе уже настало «Новое время», а несчастная темная Русь так и застряла где-то в древности или Средневековье. Впрочем, и более гибкая градация нашей истории на «дореформенную» и «послереформенную» весьма некорректна. Без реформ, без заимствований у соседей полезного опыта не живет ни один народ. Не была исключением и Россия. Но все же, чтобы отличить период, когда она развивалась на своей собственной, традиционной основе, без слепого внедрения чужеземных стандартов, я рискну ввести другой термин. Пусть совсем не научный, а всего только образный, эмоциональный. Но ведь, наверное, и не ошибочный – Златоглавая Русь.

Кстати, а когда она вообще началась, «Новая история»? Шли и шли себе Средние века – и вдруг, бах! Уже не Сред-

ние, а Новые… Но, если разобраться, то граница прослеживается очень четко. Ведь еще 500 лет назад Западная Европа была отнюдь не господствующим «центром» Земли, а одним из многих «равноправных» ее регионов. Далеко не самым обширным, не самым богатым и не самым культурным. Куда уж ей было, например, до Китая! Да и Индия, Япония, Арабский Восток, Турция, Персия, Средняя Азия, Россия никак не уступали ей в «культурности» и «цивилизованности». Но чего не отнять – европейцы были очень энергичными народами. Правда, до поры до времени они эту энергию расходовали внутри собственного узкого мирка. А именно – самозабвенно и ожесточенно месились друг с другом.

Но в один прекрасный момент два государства, Испания и Португалия «освободились» от драк с соседями и додумались направить усилия во внешний мир. Последовало завоевание кондотьерами Америки, потом Филиппин. А португальские моряки прорвались в Индийский океан. И понаглому, пользуясь разобщенностью здешних держав и растерянностью правителей, принялись захватывать ключевые базы, взяв таким образом под контроль местные морские коммуникации. А в результате стали «хозяевами» огромных пространств от Африки до берегов Китая. Попутно угнездились и в Бразилии.

Вот тут-то и пролегла она, грань между «Средневековым» и «Новым» временем. Мир стал меняться буквально на глазах. Да и сама Европа тоже. Ведь из колоний хлынули такие

потоки награбленных богатств, какие прежде ей и не снились. И как раз они-то породили «европейский блеск», стали основой для дальнейшего развития всей Западной цивилизации. Расширялись горизонты, открывалась масса новой информации. И изменялся сам образ мышления людей. Пошло так называемое «раскрепощение сознания» – потому что в новых условиях уже и прежние системы нравственных координат казались слишком «тесными».

Что привело к внутренней катастрофе Европы – катастрофе католической церкви. В раздробленных феодальных странах Запада она имела слишком сильную «мирскую составляющую» и раньше периодически переживала кризисы. А приток избыточных богатств и новые жизненные стандарты оказались для нее слишком сильным соблазном. Католическая верхушка разлагалась, заражаясь коррупцией, стяжательством, развратом, авторитет ее падал. А процессы «раскрепощения сознания» европейцев привели к тому, что вместо устоев веры на первое место начали выдвигаться устои субъективного человеческого разума. Пошло «логическое домысливание» духовных вопросов. И в различных странах возникло несколько течений Реформации, которые из религиозных быстро стали, по сути, политическими.

Так, Мартин Лютер отверг верховенство пап, право церкви на собственность. И тогда лютеранство с энтузиазмом приняли короли скандинавских стран, ряд германских князей – это позволило им захватить церковные земли и богат-

ства. Многие крестьяне увлеклись анабаптизмом, предлагавшим строить «царство Божье» на земле и отвергавшим как церковные, так и светские институты власти. Жак Кальвин не только духовную, но и светскую власть требовал подчинить выборным синодам пресвитеров. И во Франции кальвинизм стал знаменем дворянской анархии, боровшейся с королевской политикой централизации. А в Англии женолюб Генрих VIII желал вступать в браки и разводиться по своему усмотрению. И не хотел отстегивать Риму десятину доходов. Поэтому ввел англиканскую церковь, сохранившую все обряды католической, но подчиняющуюся не папе, а королю.

Однако и католицизм собрался с силами и начал в ответ Контрреформацию. Точнее – Католическую Реформу. Она в общем-то тоже стала разновидностью Реформации, поскольку вместо прежнего приоритета веры делала упор на вполне земные средства. Предполагалось кардинальное «лечение» церкви, исправление нравов ее служителей. Для восстановления и усиления католицизма планировалось использовать просвещение, средства пропаганды, культуру и искусство, политические и закулисные методы. В рамках этой программы был создан орден иезуитов. Но для защиты своих интересов церковь не останавливалась и перед карательными мерами. Была реорганизована инквизиция, введена жесткая цензура на печатное слово. Да и среди монархов нашлись такие, кто готов был выступить в поддержку католицизма. Главными его поборниками стали две ветви Габсбургов –

родственные между собой династии германских императоров и испанских королей. Сторонниками католицизма остались и французские короли, хотя при этом и были врагами Габсбургов.

И покатились религиозные войны, залившие кровью Германию и Францию. Кончились они компромиссами. В Германии стороны заключили Аугсбургское соглашение по формуле «cujus regio, ejus religio» – «чья власть, того и вера». Какой религии придерживается монарх, ту должны исповедовать и подданные. Как видим, само понятие религии тут приобрело чисто политический статус. А во Франции в драках погибли все лидеры католиков и кальвинистов (гугенотов). Ближайшим претендентом на престол оказался гугенот Генрих Наваррский, который ради короны перекинулся в католицизм и стал Генрихом IV. А протестантам он Нантским эдиктом даровал свободу вероисповедания.

Но еще не успело успокоиться в одних местах, как заполыхало в других. Надо сказать, что ни Испании, ни Португалии их завоевания впрок не пошли. Они раскидали свои силы по всему миру. В итоге Португалия вообще надорвалась и была захвачена испанцами. Растянутые морские пути сразу оказались под ударами пиратов – и таким образом колониальные трофеи изрядно «перераспределялись» в пользу англичан и французов. Но и богатствами, доходившими до метрополии, испанцы и португальцы распорядиться не умели. Они были воинами, а не купцами. Дворянам у них вооб-

ще запрещалось заниматься финансовой, промышленной и торговой деятельностью. Этим занимались нидерландцы.

Известная нам из учебников история борьбы Голландии против чужеземцев-поработителей и зверств инквизиции – не более чем пропагандистская легенда. Вхождение ее под власть Испании было вполне мирным, причем нидерландский принц Карл в результате династических хитросплетений получил испанскую корону. Его прежняя вотчина полностью сохранила при этом самоуправление, получила ряд льгот. Мало того, для нидерландцев открылся доступ в Новый Свет, запретный для других европейцев! И получилось так, что в Америке гибли испанские солдаты, а их добыча перевозилась на нидерландских кораблях и утекала на нидерландские рынки, в карманы нидерландских купцов. Как и добыча португальцев.

Именно в составе Испании Голландия достигла своего процветания, ее торговый флот вышел на первое место в мире. Ну а когда ее купцы и банкиры достаточно разъелись, им захотелось прибрать к рукам и политическую власть. Что и стало истинной причиной «буржуазной революции». А в качестве идеологии голландские олигархи выбрали все тот же кальвинизм. Для них он был очень удобен, поскольку Кальвин ввел в свое учение теорию предопределения. Дескать, каждый человек, что бы он ни творил в жизни, заведомо определен Богом к спасению или осуждению. Причем отличить «избранных» от «неизбранных» очень просто: своих

избранников Господь отмечает богатством. А участь «неизбранных» – повиноваться «избранным» и работать на них. Взбунтовавшиеся Нидерланды были поддержаны Англией и Францией. Опять же не по религиозным мотивам и не из свободолюбия, а из собственных политических соображений. У голландцев выдвинулись талантливые полководцы-штатгальтеры из рода Оранских. И одолеть мятежников Испания не смогла, после 40 лет борьбы вынуждена была заключить перемирие.

Эти же три державы, Англия, Франция и Голландия, выступили новыми претендентами на передел мира. Британцы учредили Ост-Индскую компанию, в погоне за драгоценными в то время пряностями и шелком устремились в Индонезию и Китай. Закрепились в Северной Америке. На севере этого материка обосновались французы. Но и только что «вылупившаяся» Голландия ничуть не отставала. Еще даже не завершив войну с испанцами, ее правители-олигархи озаботились созданием собственной колониальной империи. И тоже учредили Ост-Индскую компанию, получившую беспрецедентные права – иметь свои армию и флот, объявлять войны и заключать мир, приобретать земли, казнить и миловать. И само государство практически стало придатком компании – большинство ее директоров входили в правительство Нидерландов, а вот в дела компании не имел права вмешиваться никто. Эскадры в десятки кораблей с сотнями пушек и тысячами солдат ринулись захватывать базы в Восточ-

ной Азии, громя и изгоняя не только португальцев, но и союзников-англичан.

Однако в это же время и католицизм грезил проектами «мировой империи», чем активно занялся орден иезуитов. В католических странах его члены старались устроиться духовниками к монархам и вельможам, направлять их политику. В протестантских становились шпионами, организовывали подрывные акции. А в нехристианских развернули миссионерскую работу. Считалось, что если папа утратил часть паствы в Европе, надо дать ему новую паству, чем больше, тем лучше. И колониальная экспансия Запада дополнилась идеологической. Иезуиты внедрялись и орудовали в Китае, Японии, Индии, Африке.

В Восточной Европе эпицентром подобной деятельности стала Польша. Ее король Сигизмунд III являлся одним из ярых поборников Контрреформации, но начал наступление не на протестантов, а на православие. Под его покровительством иезуитам и папским эмиссарам удалось переманить на свою сторону часть православного духовенства, и в 1596 г. родилась Брестская уния. Коснулись данные процессы и России. Относительно нее в Риме вызрел особый план. Считалось, что при традициях русского самодержавия будет достаточно обратить в католицизм царя, и народ автоматически последует за ним. Все, что происходило в нашей стране, внимательно отслеживалось при папском дворе и в руководстве иезуитского ордена. Посланцы папы неоднократно подкаты-

вались с соответствующими предложениями к Ивану Грозному, Годунову…

Пока Русь была сильной и единой, их попытки выглядели несерьезно. Но в начале XVII в. она рухнула в Смуту. Данным событиям посвящено довольно много литературы, в частности и я подробно разбирал их в книге «Бей поганых!». Поэтому здесь отмечу лишь, что российскую Смуту нельзя рассматривать в отрыве от общих тенденций того времени – мировой европейской экспансии. В бандах самозванцев, а потом и в ходе прямой интервенции на Русь хлынули точно такие же головорезы и искатели наживы, как и те, кто захватывал Америку, крушил и подминал древние центры цивилизации в Африке и Азии.

И различные факторы наложились друг на друга. Прежде Россия умела побеждать и поляков, и шведов, и других хищников. Но ее внутренний разлад предопределил успехи чужеземцев. А с другой стороны, всевозможные самозванцы и повстанцы никогда не смогли бы добиться столь впечатляющих успехов без натиска внешних сил. И результатом стал полный хаос, резня всех против всех, фактическая гибель русской государственности. Верхушка общества искала компромиссный выход в приглашении на престол польского королевича Владислава, были и сторонники воцарения шведского принца. Но уже и это оказывалось невозможным. Поскольку и Сигизмунд III, и шведский король Густав II Адольф разохотились и рассчитывали на право прямого

завоевания. В Риме, Варшаве и Вильно по случаю «победы над русскими варварами» устраивались торжества, иллюминации, фейерверки. Среди приближенных Сигизмунда III был выдвинут лозунг, что Россия должна стать «польским Новым Светом». А русским, соответственно, отводилась судьба американских индейцев.

И все же в нашей стране нашлись силы, обеспечившие единение народа перед лицом смертельной угрозы – православие и земства. В 1612 г. удалось изгнать оккупантов из Москвы, а потом, созывом Земского Собора и избранием на царство Михаила Романова, преодолеть внутренний разброд. Тем не менее ситуация еще долго оставалась критической. Государство было разорено, казна и сокровища царей разграблены, на месте многих городов и сел зияли пепелища. Людские потери были колоссальными, по разным оценкам, погибло от четверти до трети населения. Армии не было. А Россия оставалась в кольце осады. На северо-западе ее земли захватывали шведы, на западе – поляки, с юга вторгались крымские татары. На Северный Кавказ зарились персы, на Поволжье нападали ногаи. А в степях Центральной Азии началась грандиозная передвижка. Из Джунгарии двинулся на запад многочисленный народ калмыков (ойратов). С ними заключили союз и породнились «кучумовичи», потомки последнего сибирского хана, и война заполыхала по всей восточной окраине.

И после избрания Михаила Федоровича тяжелые сраже-

ния на нескольких фронтах продолжалась еще 6 лет. Но все-таки не сразу, постепенно, России удалось измотать своих врагов. Первым пошел на попятную Густав II Адольф. Он обжегся на героической обороне Пскова, в занятых шведами районах развернулась партизанская борьба. Подсуетились и англичане, их дипломат и купец Джон Мерик выступил посредником (за что получил в России право беспошлинной торговли). И в 1617 г. Швеция согласилась на мир, удовлетворившись тем, что отобрала у русских Карелию и земли, прилегающие к Неве, Финскому заливу и судоходной р. Нарове. Не из-за того, что сами эти земли представляли особую ценность – главный выигрыш Густав Адольф видел в том, чтобы отрезать Русь от Балтики и избавиться от конкурентки в балтийской торговле. А в конце 1618 г. удалось заключить Деулинское перемирие с поляками на 13 с половиной лет. На очень тяжелых условиях, поскольку за Речью Посполитой остались все, что она захватила – Смоленск, Черниговщина, Северщина.

Но после 14 лет смут и войн истерзанная Россия получила долгожданный мир. А при размене пленных из польской неволи вернулся отец царя, митрополит Филарет Романов. Молодой Михаил Федорович к правлению не готовился, осознавал это и практически уступил власть отцу. Филарет стал патриархом, но при этом принял и титул Великого Государя – наряду с царем. Мудрый политик, блестящий дипломат, горячий патриот России, как раз он-то и стал ее подлинным

восстановителем из развала и разрухи. Развернул строительство, реорганизовал администрацию, возрождал вооруженные силы, вел важные культурные реформы.

Внешнеполитические интересы государства в тот период определялись территориальными потерями, которые оно понесло. Но от вражды одновременно с Польшей и Швецией патриарх разумно отказался. В сложившихся условиях возвращение выхода к Балтике почти ничего не давало России. При тогдашних европейских порядках право на морскую торговлю требовалось подкреплять военным флотом, что для ослабленной страны было нереально. А Польша отхватила богатые и многолюдные области и на этом останавливаться не собиралась. Варшава не признала царем Михаила Федоровича, сохраняя данный титул за королевичем Владиславом. Сохранялись и проекты обращения русских в унию. О них патриарх хорошо знал – когда он находился в плену, на него усиленно нажимали, склоняя признать верховенство папы. Сулили за это сделать «архиепископом Московским», угрожая в противном случае расправой. Филарет сумел провести очень хитрую игру, прикидывался непонимающим и необразованным. Добился, чтобы ему выделили лучших иезуитских преподавателей, а попутно разъяснили планы подчинения Православной Церкви «святому престолу».

Таким образом патриарх на собственном опыте имел возможность убедиться, что речь идет о самом существовании

России и русских как народа. А отсюда вытекала и направленность его политики – действовать против Польши и блокироваться с ее врагами. Филарет начал сближение с Турцией. Были установлены тесные взаимовыгодные связи со Швецией, Англией, Голландией, Данией. Филарет дважды предпринимал попытки женить сына на западных принцессах, датской и бранденбургской. Однако рейтинг России после Смуты был слишком низким, и оба сватовства кончились ничем.

Тем временем на Западе разгорелась Тридцатилетняя война. Главной ее виновницей и подстрекательницей явилась Франция. Она вынашивала планы собственной гегемонии в Европе. А для этого требовалось сокрушить Габсбургов. И чтобы отколоть от германского императора его подданных, протестантских князей, французский король Генрих IV подтолкнул их к созданию Евангелической унии во главе с курфюрстом Пфальца Фридрихом. Немецкие католические князья встревожились и тоже объединились в Католическую лигу, которую возглавил герцог Баварии Максимилиан. Замыслы Генриха развязать европейскую войну перечеркнула смерть от кинжала убийцы, и Франция сама покатилась в полосу смут и междоусобиц. Но инициированное ею противостояние осталось.

И в 1618 г., когда бездетный император Матвей объявил наследником чешского престола своего кузена, ярого католика Фердинанда Штирийского (что предопределяло и из-

брание его императором), чехи взбунтовались. Выкинули из окна канцелярии в Граде имперских чиновников, а после смерти Матвея созвали сейм и выбрали королем Фридриха Пфальцского. Фердинанд получил поддержку Испании, князей Католической лиги и разгромил Фридриха и чехов. Но успех вскружил ему голову, он решил восстановить политическое и религиозное единство своей лоскутной империи. В ответ против него выступили другие князья Евангелической унии. К ним примкнули венгры, австрийские протестанты. Кончилось и перемирие между Испанией и Нидерландами… Война приняла европейские масштабы.

Сперва одолевали Габсбурги. Однако во Франции пришел к власти великолепный политик кардинал Ришелье. Он кое-как сумел вытащить свою страну из кризисов и гражданских войн и реанимировал проекты Генриха IV относительно борьбы за европейское господство. От непосредственного вступления Франции в схватку кардинал воздерживался, зато начал оказывать антигабсбургской коалиции финансовую и дипломатическую помощь, втянул в войну Данию. Она продержалась недолго, имперские войска довольно быстро ее разгромили. Что ж, тогда Ришелье повел переговоры со Швецией. Король Густав II Адольф имел лучшую в Европе армию, успел уже поколотить датчан и поляков и охотно откликнулся на приглашение. Кардинал пообещал ему щедрые субсидии, и шведские полки вторглись в Германию. В нескольких сражениях разбили имперцев и испанцев, дошли

до Рейна. Французы же под шумок захватили Лотарингию, важные районы в Альпах, а властители Эльзаса сами отдались под их покровительство, чтобы защитили от шведов.

Между тем и Россия, оправившись от последствий Смуты, усиливалась. И поскольку Польша в Тридцатилетней войне приняла сторону Габсбургов, для Москвы было естественно поддерживать антигабсбургскую коалицию. Филарет, как и Ришелье, долгое время воздерживался от прямого участия в боевых действиях, но помогал протестантским странам, продавая им на выгодных условиях продовольствие, селитру, смолу. Швеция стала первым государством, с которым Россия обменялась постоянными дипломатическими представительствами. Хотя, конечно, царское правительство понимало, что шведы или голландцы нам Смоленск на блюдечке не поднесут. И исподволь готовилось к войне. Для этого Филарет начал кардинальную военную реформу. Ту самую, которую почему-то приписывают Петру I. В апреле 1630 г. был издан указ о создании первых полков «иноземного строя». Всего же под руководством патриарха было сформировано 10 таких полков – 6 солдатских, 2 рейтарских и 2 драгунских. За образец бралась шведская армия. Части вооружались и обучались по шведским методикам. В качестве старших офицеров и инструкторов нанимались иностранцы.

И в начале 1630-х гг. ситуация сложилась, вроде бы, подходящая. В Польше в связи с гонениями на православных начались восстания казаков, их предводители несколько раз

присылали делегации в Москву с просьбами принять Украину в подданство. Существовал союз России с Турцией. А за розыгрыш «шведской карты», за то, в каком направлении действовать шведской армии, развернулся дипломатический поединок между Ришелье и Филаретом. Выиграл патриарх – французы оскорбили Густава II Адольфа высокомерием и попытками диктовать ему условия, и он заключил секретное соглашение с Москвой, что ударит по Польше с запада, когда русские нажмут с востока. Весной 1632 г. умер Сигизмунд III, в Речи Посполитой настало «бескоролевье». А в июне истек срок Деулинского перемирия. Россия объявила полякам войну…

Увы, расчеты не оправдались. Турция оказалась слишком ненадежным «другом». Власть султана там ослабла, и его вассал, крымский хан, пренебрег повелением выступить на Польшу. Вместо этого он получил от поляков хорошую плату и ударил в спину русским, сорвав все планы. В Речи Посполитой кончилось безвластье, на трон избрали Владислава, с которым украинские казаки связывали надежды на улучшение своего положения. Надежды тщетные, но сперва они поверили в нового короля и влились в его войско. А в Германии в битве при Люцене погиб Густав II Адольф. Корона Швеции перешла к его малолетней дочери Христине, а регентом при ней стал канцлер Оксеншерна. Выполнять соглашение с Москвой он отказался и предпочел договориться с Ришелье. Кардиналу же было выгодно, чтобы шведы остались в Гер-

мании. А поляки вместо помощи Габсбургам пусть повернут против русских. И Владислав получил возможность бросить все силы против армии Шеина, осаждавшей Смоленск.

Еще одним ударом стала смерть Филарета в октябре 1633 г. Теперь в Москве началось что-то вроде «бескоролевья», придворная борьба за влияние на царя. Русские войска под Смоленском своевременной помощи не получили и вынуждены были капитулировать, хотя и на почетных условиях – им разрешили свободно уйти, оставив противнику артиллерию и обозы. Впрочем, и полякам крепко досталось, и при попытке продолжить наступление Владислав потерпел ряд поражений. И 3 июня 1634 г. был заключен «вечный» Поляновский мир. Несмотря на неудачи, войну в целом Россия все же выиграла. Но выиграла ценой очень больших жертв и с минимальными результатами. Владислав IV отказался от претензий на русский престол, признав Михаила Федоровича «царем и братом», Польша вернула России г. Серпейск с уездом. Но Смоленск, Северщину и прочие утраченные территории возвратить не удалось…

Дальнейшие сражения европейской войны протекали без участия русских. Имперцы и испанцы снова начали одерживать верх. И Ришелье понял, что если Франция хочет сохранить свои приобретения, ей придется вмешаться в схватку, что и произошло в 1635 г. Бои долго шли с переменным успехом. А перелом в войне обеспечили антииспанские восстания. Сперва власть Мадрида свергла Каталония, отдав-

шись под покровительство французов, потом поднялась против испанцев и провозгласила независимость Португалия. Габсбурги и их союзники стали выдыхаться…

Тридцатилетняя война отнюдь не прекратила и не затормозила процессы колониальной экспансии. Британская Ост-Индская компания помогла Персии выбить португальцев из Ормуза, за что шах разрешил ей открыть фактории в нескольких городах. Точно так же, за участие в борьбе с португальцами, индусы дали разрешение британцам основать факторию в Сурате. В 1639 г. англичане приобрели у местного властителя участок земли и основали в Индии свою первую экстерриториальную крепость – Мадрас. В Китае, используя затруднения властей, корабли британской компании бомбардировали Хумэнь, вынудив правительство заключить торговый контракт. Под угрозой бомбардировок добились разрешения торговать через Кантон и Гуаньчжоу. Кроме того, англичане продолжали интенсивно осваивать Северную Америку, угнездились в Суринаме.

А нидерландская Ост-Индская компания широко раскинула владения в Индонезии. Ее «столицей» стал г. Батавия (Джакарта) на Яве. Были захвачены Молуккские острова, возникла сеть портов и крепостей на Яве, Суматре, Борнео. Компания прибрала к рукам о. Тайвань, Малакку. Под предлогом войны голландские купцы в дополнение к Ост-Индской компании создали еще и Вест-Индскую. Она имела 30 боевых кораблей и занялась откровенным пиратством –

за 13 лет захватила, ограбила и потопила 550 судов (не только испанских, но и союзных). Выгодная меховая торговля, которую вели с индейцами англичане и французы, голландцев тоже заинтересовала. Они внедрились в Северную Америку, и на Гудзоне возникла колония Новые Нидерланды с центром в Нью-Амстердаме (ныне Нью-Йорк). А когда против испанцев восстала Португалия и все ее силы оказались связаны борьбой за независимость, Нидерланды отнюдь не поспешили на помощь новой союзнице. А наоборот, высадились в португальской Бразилии, заняв значительную часть побережья. Захватили и португальские базы в Анголе и на о. Сан-Томе – эти пункты были «жизненно необходимы» тому, кто владеет Бразилией, поскольку отсюда завозились за океан рабы.

Колониальной державой решила стать и Швеция. И в Америке появилась Новая Швеция на месте нынешнего штата Делавэр. Но и Испания с Португалией, несмотря на понесенные потери, оставались еще обширными «мировыми» империями. Португальцам принадлежала часть Бразилии, много владений в Африке: острова Зеленого Мыса, базы в Конго, Лоренцо-Маркес, Занзибар, Мафик, Пемба, Момбаса, Аму, Пате. Португальцы удерживали Оман в Аравии, Макао в Китае, а в Индии – Гоа, Диу, Даман, Бомбей, Андидже, контролировали о. Цейлон. Испанцы владели Филиппинами, Центральной Америкой, Южной – кроме Бразилии, частью Северной – до Флориды на восточном берегу и Ка-

лифорнии на западном.

Да, вот таким он был, XVII век. Эпоха широкомасштабного распространения европейцев по лику Земли. Эпоха великих политиков, хитрых дипломатов, отчаянных и жестоких воинов. Эпоха пиратов, бунтарей, заговорщиков. А можно сказать, и «эпоха авантюристов». Но только само это слово было тогда отнюдь не ругательным, а уважительным, почетным. Оно происходит от французского «аванте» – «вперед». И авантюристами называли тех, кто стремился быть впереди. Открывал новые страны, осваивал новые рынки, искал новые пути обогащения. В ходе «освоения» мира европейцы уже открыли и многие неведомые доселе земли – Австралию, Тасманию, Новую Зеландию, Новую Гвинею. Но в этих странах не было обнаружено источников быстрой наживы, и колонизаторов они пока не интересовали.

На границах тревожно

Кратко обрисовав ситуацию в Европе и особенности взаимоотношений России с Западом, стоит коснуться и ее связей с Востоком. Одной из самых могущественных «соседок» нашей страны являлась Османская империя. Ее владения охватывали Северную Африку, Ближний Восток, половину Закавказья, Балканы, Северное Причерноморье. Турки выставляли огромные армии, первыми обзавелись регулярной пехотой – корпусом янычар. Однако в XVII в. у Блистательной Порты обострились внутренние проблемы. Избаловавшиеся янычары свергали неугодных султанов, в стране периодически вспыхивали восстания, углублялись коррупция, интриги и грызня гаремных группировок. Пользуясь этими затруднениями, персидский шах Аббас и его преемник Сефи I попытались отобрать у Турции Закавказье и Ирак. Начались войны, затянувшиеся на несколько десятилетий.

Москва старалась поддерживать с Портой нормальные отношения, развивала торговлю, а при Филарете заключила союз против общего врага, Польши. Но в целом обстановка у южных границ России была сложной. Серьезные проблемы создавало зависимое от Стамбула Крымское ханство, сделавшее своим постоянным промыслом набеги на Русь и Польшу и работорговлю. Царскому правительству приходилось откупаться от Крыма богатыми ежегодными «поминками», кото-

рые сами татары называли данью. Султан же приструнить хана не мог, да и не хотел – татары отстегивали ему 10 % добычи, на работорговле наживались турецкие купцы. Впрочем, и хан, если бы даже пожелал, не мог удержать своих подданных, иначе они его свергли бы. И даже сохраняя за «поминки» мир, все равно отпускал «подкормиться» на Русь своих царевичей и мурз с их отрядами.

Для защиты от них правительство было вынуждено каждое лето выдвигать на южные границы войска. Была построена оборонительная система «засечных черт»: сплошные линии засек, рвов, валов и дерево-земляных стен, проходившие по рубежам Болхова – Белева – Одоева – Крапивны – Тулы – Венева – Рязани. Противовесом Крыму служил и казачий Дон. Со времен Ивана Грозного он признавал над собой власть царя, но сохранял еще независимость. Казакам ежегодно высылалось хлебное, денежное жалованье, сукно, порох, свинец. А они за это несли сторожевую службу. Но обороной не ограничивались. В ответ на вторжения крымцев эскадры казачьих челнов выходили в море, нападали на турецкие корабли, грабили прибрежные города и селения. Причем донцы и запорожцы нередко действовали совместно – несмотря на противостояние России и Польши, казаки вели себя по собственному разумению и считали друг друга «побратимами». Так что контакты Москвы и Стамбула постоянно омрачались взаимными претензиями. Турецкие послы жаловались царю на донцов. Их выслушивали и разводи-

ли руками – дескать, казаки люди вольные, государя не слушают. После чего вываливали ответные жалобы на крымцев. А на Дон отправлялось очередное «государево жалованье».

На юге существовало еще несколько полунезависимых образований. На территории Кубани и нынешнего Ставрополья кочевала Малая Ногайская Орда, считавшаяся в подданстве Крыма и Стамбула. А между Волгой и Яиком (Уралом) обитала Большая Ногайская Орда, то присягавшая царю, то выходившая из повиновения. На Северном Кавказе существовали десятки мелких княжеств. Черкесских, осетинских, кабардинских, в Дагестане – ханство Аварское, княжество Эндереевское (в зависимости от них находились чеченские и ингушские мурзы), шамхальство Тарковское, уцмийство Кайтагское, мойсульство Табасаранское, княжество Тюменское, владение Цахурское. Горцы западной части Кавказа тяготели к Турции и часто присоединялись к татарским набегам. А княжества, лежавшие восточнее, приняли российское подданство. На очень льготных условиях. Они полностью сохраняли самоуправление, жили по собственным законам, не платили дани, к ним не назначалась царская администрация. Зато горцы получали право торговать в русских городах, нередко поступали на государеву службу.

Связи России с Персией определялись взаимной заинтересованностью в торговле. Иран в XVII в. стал главным мировым экспортером шелка, который очень дорого ценился на Западе. Не только в качестве экзотики – европейцы то-

гда мылись редко, и шелковая одежда была единственным эффективным средством от насекомых. Главной шелковой трассой являлся путь по Волге, через Москву – а дальше этот товар шел в Ригу или Архангельск. Что было очень выгодно для России. Казна обогащалась пошлинами. К тому же, по русским законам, торговля напрямую между иностранцами запрещалась. И на перепродаже наживались русские посредники. Англичане, голландцы, датчане, французы неоднократно подъезжали к царю с просьбами разрешить их купцам транзитную торговлю с Персией через территорию России. Но тогдашние наши правители строго блюли национальные интересы, и подобные обращения неизменно встречали отказ.

Иранские шахи тоже были крайне заинтересованы в укреплении связей с Москвой. Они закупали в России оружие. Но дружба периодически нарушалась попытками Персии подчинить Северный Кавказ. Царская дипломатия в таких случаях реагировала быстро и жестко. И при угрозе разрыва отношений иранцы, как правило, отступали. Тем не менее ситуация на Кавказе часто бывала напряженной. В здешних крепостях – Терском городке, Сунженском и Койсинском острогах, Россия держала значительные гарнизоны. Всегда наготове было и Терское казачество. А для защиты Поволжья от ногайских и калмыцких набегов при Филарете было организовано Яицкое Казачье Войско.

Россия поддерживала прочные связи и со Средней Азией

– Хорезмским, Бухарским, казахскими ханствами. С ними были установлены дипломатические контакты, велась торговля. Но все среднеазиатские государства враждовали друг с другом. И вдобавок внутри каждого из них то и дело вспыхивали заговоры, драки за власть. А по соседству, в Джунгарии, выделился вождь калмыков хунтайджи Батур. Объединил разрозненные племена в мощную централизованную державу и обрушился на Среднюю Азию. Закипели войны, усугубившие упадок этого региона. Но централизация пришлась по душе далеко не всем калмыкам. Князь племени торгоут Хо-Урлюк, не желая подчиняться Батуру, с 40 тыс. кибиток откочевал на запад. Они переправились через Яик в Волго-Уральские степи, объединились с Большой Ногайской Ордой и принялись донимать набегами Поволжье и Приуралье.

В царствование Михаила Федоровича Россия значительно расширила свои восточные пределы. Закрепила за собой бассейн Енисея, перешагнула на Лену, установила связи с Монголией. Казак Петлин «со товарищи» побывал даже в Китае. И империя Мин отнеслась к русским дружелюбно, выражала готовность к дипломатическим и торговым связям. Но эта великая и высокоразвитая держава уже вовсю гнила и разрушалась изнутри. Властью заправляла клика придворных евнухов, процветали коррупция, казнокрадство. А на севере Ляодунского полуострова вдруг активизировался народ маньчжуров. Их было всего 100 тыс. – ни-

чтожная горстка по сравнению со 150 млн. китайцев. Их сперва и не воспринимали всерьез. Однако маньчжуры перестали платить дань императорам, начали совершать набеги, угоняя пленных и скот. Поначалу захваченных людей инкорпорировали в свою среду и умножились до 500 тыс. Создали «восьмизнаменное войско» – это была не только армия, но и структура государства: в каждое из «знамен» входили воины и их семьи.

Маньчжурский хан Абахай постепенно расширял свои территории. Разгромил китайских союзников – монголов и корейцев. И провозгласил империю Цин. Именно тогда произошло разделение Монголии. В 1636 г. на созванный маньчжурами курултай собрались 49 монгольских князей, признали империю Цин, а Абахая – своим ханом. Их земли стали Внутренней Монголией. Те, кто не захотел покориться, составили Внешнюю Монголию. А северная ветвь монгольского этноса, буряты, выбрала подданство русскому царю.

В Китае же хищничество и злоупотребления властей, рост налогов и разорение населения усугубились стихийным бедствием. Грянули наводнения и засуха, вызвавшие голод. Крестьяне восстали. Началась жесточайшая гражданская война. Имперским войскам пришлось теперь сражаться на два фронта, против бунтовщиков и маньчжуров. И для Китая его смута закончилась куда более плачевно, чем для России. За 15 лет сражений погибли миллионы людей. Защитники империи Мин постепенно слабели. А вождь по-

встанцев Ли Цзы-чэн перебил остальных предводителей мятежа, установил единоличную диктатуру и двинул армию на Пекин. Столица пала, император Чжу Ю-цзянь повесился, и Ли Цзычэн сам взошел на трон. Но продержался лишь 42 дня, поскольку торжество повстанцев сопровождалось массовым истреблением чиновников и знати. Имперские генералы перешли на сторону маньчжуров, сочтя их меньшим злом.

Войска Абахая и лучшего китайского полководца У-Саньгуя пошли на Пекин. Ли Цзы-чэн начал отступать, был разгромлен и убит. И Пекин стал столицей маньчжурской империи Цин. Первым императором новой династии Абахай поставил своего малолетнего племянника Шунчьжи (Ши-цзу), а сам стал при нем регентом.

Что же касается России, то, как видим, в первой половине XVII в. ее границы очень отличались от нынешних. На Неве хозяйничали шведы, сразу за Вязьмой начинались владения поляков. А южнее Калуги и Рязани, то есть южнее «засечных черт», обширные территории оставались незаселенными. Там уже лежало опасное Дикое Поле, стояли лишь города-крепости, а земля обрабатывалась только в непосредственной близости от них, чтобы можно было быстро укрыться за стенами. Пустынными и опасными местами были и волго-уральские степи. Вне российских границ оставался Дальний Восток.

Хищников осаживали, с добрыми соседями дружили. И

жили своими заботами, своими проблемами, своими интересами. Царствование Михаила Федоровича не было богато внешними эффектами и громкими победами, но в целом оно стало очень благотворным для страны. Россия крепла, набирала внутренние силы, богатела. Причем важную роль в этих процессах играла не только политика правительства, а и мудрое устройство тогдашнего государства. Вопреки распространенным представлениям и даже противопоставлениям традиций «западной демократии» и «русского абсолютизма», дело обстояло… с точностью до наоборот. Абсолютистские традиции были присущи именно Западной цивилизации. И в самой что ни на есть «демократической» из европейских стран – Голландии – реальными избирательными правами обладало не больше 1–2 % населения.

Россия же являлась государством не абсолютистским, а земским. Где жесткая «вертикаль власти» удачно сочеталась с широкой демократией на всех «горизонталях». Деревенские общины, городские «сотни», «концы», «слободы» регулярно выбирали свое местное самоуправление. И в каждом уезде существовали три власти: назначаемая – воевода, и две выборных – земский староста и губной староста. Земский староста и его помощники выбирались «всем миром», то есть населением уезда, и ведали всеми муниципальными вопросами, раскладкой и сбором налогов, разверсткой земли, строительством, торговлей. Губной староста соответствовал английскому шерифу, он расследовал уголовные де-

ла.

А воевода являлся представителем государя в уезде, начальником гарнизона и судьей. Вмешиваться в дела выборных должностных лиц или смещать их он не имел права. Согласно Судебнику 1550 г. воевода не мог даже арестовать человека, не предъявив доказательства его вины земскому старосте и выборным целовальникам. Иначе староста был вправе освободить арестованного и вчинить воеводе иск «за бесчестье». Хотя, с другой стороны, и назначаемая администрация контролировала «демократическую». Ведь на выборах нередко побеждали местные богатеи. И если они начинали притеснять сограждан, те имели возможность обратиться к воеводе, который пересылал жалобы царю, назначавшему следствие. Впрочем, обратиться с челобитной непосредственно к монарху имел право каждый россиянин.

А для решения важнейших вопросов государственной жизни царь советовался со «всей землей» – созывал Земские Соборы. На них избирались делегаты от разных городов, от разных сословий. Правами они обладали огромнейшими: вырабатывали и утверждали законы, решали, вступать ли государству в войну. И особо подчеркнем, что только в России эти представительные органы имели право избирать царей! Что случалось четырежды – выбирали Федора Иоанновича (из двух кандидатур), потом Годунова, потом королевича Владислава, потом Михаила Романова. И даже те цари, кто занимал трон по праву наследования, все равно

утверждались Земским Собором.

Подобные земские структуры, привычка к инициативе и организации «снизу», как раз и стали залогом живучести государства в бедствиях Смуты – когда погибла «вертикаль» власти, все «горизонтали» уцелели, и через них формировалось сопротивление врагам. Они же способствовали быстрому заживлению ран Смуты, возрождению страны. Филарет в своей деятельности опирался на «всю землю», Земские Соборы при нем созывались четырежды. После смерти патриарха фактическим главой правительства стал двоюродный брат государя Иван Борисович Черкасский. Он являлся одним из ближайших сподвижников Филарета и продолжил его курс на укрепление государства. Были сохранены полки «иноземного строя». А от восстановления хозяйства страна перешла к настоящей промышленной революции.

Первые крупные предприятия мануфактурного типа в России появились еще в XVI в., примерно в то же время, что и на Западе. Но особенно бурно промышленность стала развиваться в эпоху Михаила Федоровича – попозже, чем в Голландии и Англии, но намного раньше, чем во Франции, Испании, Польше. В Москве был реконструирован Пушечный двор – иностранцы называли его «литейным заводом… где льют много пушек и колоколов», были построены две «пороховые мельницы», новый Печатный двор. Расширялись казенные предприятия – Оружейная, Серебряная, Золотая палаты, ткацкая Хамовная изба, появилась шелко-

вая мануфактура – Бархатный двор. Но и частная инициатива русских купцов, дворян, монастырей, крестьян работала вовсю. По всей стране организовывались многочисленные судоверфи, красильные и белильные мастерские, кирпичные заводы, кожевенные, поташные, суконные, ткацкие, солеваренные предприятия. Возникли значительные центры народных промыслов – Гжель, Палех, Хохлома, Холуй. В Холмогорах, Архангельске, Вологде действовали канатные дворы, где трудились сотни мастеров. Правительство привлекало и иностранцев. Голландцы Марселис и Виниус получили лицензию на строительство Тульских «железоделательных» заводов, а итальянцы – Духанинского стекольного завода. В 1630-х их предприятия вошли в строй, стали выдавать продукцию.

Но если правительство Черкасского продолжало и развивало полезные начинания Филарета, то оно учло и его просчеты в Смоленской войне. В первую очередь это касалось союза с Турцией, обернувшегося ударами татар, едва войска ушли на запад, открыв южные рубежи. То есть прежде, чем когда-либо начинать новую войну, следовало позаботиться о надежном прикрытии с крымской стороны. И в Москве был разработан грандиозный план строительства новых засечных черт на 200–400 км южнее старых, по линии Ахтырка – Белгород – Новый Оскол – Ольшанск – Усмань – Козлов – Тамбов. На пути татарских набегов вставала еще одна мощная преграда. Мало того, новая система укреплений

позволяла освоить огромную полосу Черноземья, увеличить производство зерна, доходы казны, усилить войско, «испоместив» дополнительные контингенты дворянской конницы и казаков.

В Москве хорошо понимали, что такое продвижение в Дикое Поле вызовет осложнения со Стамбулом, всполошит Крым, что хан попытается помешать строительству. Поэтому готовились и войска. Но тут к пользе задуманного предприятия случилось еще одно событие. Донские казаки по собственной инициативе решили взять Азов. Царь и правительство через своих посланцев на Дону узнали об этом. Однако сделали вид, будто не знают, и негласно поддержали казаков, разрешив набирать добровольцев, выделив дополнительные боеприпасы, а возможно и технических специалистов – на Дону вдруг появился немец-минер. В результате в 1637 г. Азов был взят, и донцы провозгласили его «вольным христианским городом». Что вполне устраивало российское руководство. С одной стороны, Москва была вроде бы ни при чем, а с другой, Азов отвлек на себя южных соседей. В течение четырех лет атаки татар, ногаев, черкесов были нацелены на него. А на русской границе беспрепятственно воздвигались оборонительные системы. Создавались и новые части для их защиты. Из крестьян порубежных уездов, привычных жить полувоенным бытом и хорошо владевших оружием, было сформировано еще 4 драгунских полка.

Турция отреагировала не сразу – сперва она была занята

войной с Ираном, потом умер султан Мурад IV, и на престол в результате гаремных интриг взошел его брат Ибрагим Безумный. И лишь в 1641 г. на Дон отправилась огромная армия в 180 тыс. человек с 600 орудиями. И ограничиваться Азовом османы не собирались. Вынашивались планы вообще оккупировать Дон, уничтожить и изгнать казаков. После чего открылся бы путь на Казань, Астрахань – на них Порта пыталась претендовать еще при Иване Грозном. К большой войне с Россией турок подталкивала и польская дипломатия. Но в героическом «Азовском сидении» 6 тыс. казаков выдержали 4 месяца осады, 24 штурма и прогнали врага. Донцы тоже понесли серьезные потери, Азов был разрушен. Казакам стало ясно, что своими силами удержать его не получится, и они обратились к царю с просьбой о принятии Азова в полное подданство.

Но посланная на Дон правительственная комиссия установила, что быстро восстановить крепость невозможно. А на созванном по этому поводу Земском Соборе голоса разделились. Делегаты от дворян и прочих служилых высказывались за принятие Азова, что означало бы войну. Делегаты от торговых и посадских людей были против. И царь принял их сторону. Собор вынес двойственное решение – Азов в подданство не брать, но и казаков в обиду не давать. В 1642 г. турки послали на Дон вторую армию, возглавил ее сам великий визирь Мухаммед-паша. Но казаки, согласно приказу царя, обрушили остатки укреплений и отошли. А без тыло-

вой базы, какой мог стать только Азов, Мухаммед не рискнул углубляться в донские земли. Оставил гарнизон для восстановления города и вернулся восвояси. Вскоре правительство выполнило и вторую часть решений Собора – взять под защиту казаков. На Дон были направлены воеводы с отрядами стрельцов. И как раз в это время бассейн Дона окончательно вошел в состав России. Причем внутреннее самоуправление казаков было полностью сохранено, а воеводам предписывалось действовать «заодно с казаками под атаманским началом».

Тем не менее ситуация балансировала на грани войны. И не только с Турцией – снова, как и в Смуту, запахло окружением. Опять бряцали оружием поляки. Многих панов во главе с русофобом Иеремией Вишневецким не устраивали условия Поляновского мира, они выдвигали территориальные претензии, отказывались признавать титул царя «государь Всея Руси», вопили о походе на Москву. Их послы и агенты активизировались в Стамбуле, предлагая туркам союз против России. Ко всему прочему поляки устроили провокацию, перебив крымское посольство, возвращавшееся от царя. Крайне недружественную позицию заняло и шведское правительство Оксеншерны. У него вызрел проект создания «Балтийской империи». Еще не выпутавшись из Тридцатилетней войны, шведы напали на Данию. И начали присматриваться к русским землям.

Россия уже в те времена имела неплохую разведку. И в

сложившейся напряженной ситуации ярко проявил себя дворянин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин. Он был направлен в Молдавию с тайной миссией – под видом, будто поступил на службу к господарю Василию Лупулу. Ордин-Нащекин завоевал дружбу и доверие господаря и части молдавской знати. Через них забросил в Стамбул подлинную информацию о провокации с убийством татарских послов. Организовал сеть агентов и информаторов среди православных подданных Речи Посполитой и Османской империи. И вскоре выяснил, что «партия войны» в Польше не так сильна, как кажется. Что паны хотят лишь столкнуть Порту и Россию, а сами вмешиваться не собираются. Разузнал он и о внутренних проблемах Турции. Там многие были недовольны султаном, от лица которого фактически правил великий визирь Мухаммед-паша. Против него возникали заговоры.

Ну а сам великий визирь тоже, разумеется, узнал об увеличении русских сил на Дону. Он правильно оценил положение, понял, что борьба на севере может быть тяжелой, а ее перспективы – сомнительными. И выбрал другое направление удара. Начал войну против Венеции, бросив армию и флот на завоевание принадлежавшего ей острова Крит. Тотчас и поляки сменили тон, большинство сейма и сената стало склоняться к нормализации отношений с Россией. Из «цифирных писем» (шифровок) Ордина-Нащокина об этих изменениях своевременно узнали в Москве. И последовали дипломатические шаги. В Стамбул поехало посольство Ильи

Милославского, которое после трудных и долгих переговоров добилось заключения договора о «мире и дружбе». А в Варшаву отправилось посольство Львова, сумевшее частично урегулировать спорные вопросы с поляками. Те сняли притязания на русские земли и обязались соблюдать титул царя.

Ну а чтобы нейтрализовать шведскую угрозу, Михаил Федорович решил заключить союз с Данией, скрепив его династическим браком – выдать дочь Ирину за датского королевича Вольдемара. Копенгаген за предложение ухватился с радостью, согласился на все условия, даже на перекрещивание своего принца в православие. Но когда Вольдемар, встреченный с большим почетом, прибыл в Москву, произошло непредвиденное. Вопреки договоренностям, он перекрещиваться отказался. А браков с иноверцами русские законы не допускали. То ли Ирина принцу не приглянулась, то ли сыграла роль политика. Дания при посредничестве французов уже успела примириться со шведами и теперь боялась раздражать их альянсом с Россией. Королевич потребовал отправить его на родину.

Разразился скандал. О женитьбе уже было объявлено, по понятиям того времени отказ Вольдемара наносил «бесчестье» царю и царевне. И принца задержали в Москве, пытались нажимом и уговорами все же склонить к согласию. Он упирался, и дело зашло в полный тупик. Датчане возмутились таким обращением с королевичем, начали угрожать.

Что сразу аукнулось и в Польше, партия Иеремии Вишневецкого снова подняла голову, требуя заключить союз с Данией и вместе с ней воевать против русских. Сбор информации за рубежом снова был поручен Ордину-Нащокину. Теперь он действовал из своего родного Пскова. Установил связи с пророссийски настроенными представителями шляхты и духовенства в Литве, привлек в качестве агентов ряд купцов и быстро сумел создать разведывательную сеть в Прибалтике и Польше. В Посольский приказ потекли сведения о настроениях в сопредельных государствах, раскладах политических сил.

Но в это время произошли серьезные перемены и в самой Москве. С весны 1645 г. царь Михаил Федорович начал прихварывать. Помочь ему тогдашняя медицина ничем не смогла. Государю становилось все хуже, и в ночь с 12 на 13 июля он отошел в мир иной. В его браке с Евдокией Стрешневой родилось 10 детей. Но пережили отца лишь четверо – Ирина, Алексей, Анна и Татьяна. На престол взошел юный Алексей Михайлович.

Государь Алексей михайлович

Царевич Алексей родился 19 марта 1629 г. Как велось на Руси, до пятилетнего возраста воспитывался на «женской» половине дворца под опекой мамок и нянек, потом перешел на «мужскую». Получил неплохое для своей эпохи образование. Его обучением занимались В.Н. Стрешнев, дьяк В.С. Прокофьев, подьячий В.Г. Львов. Он освоил чтение, письмо, основы географии и арифметики, церковное пение. Много читал, уже в 10 лет его личная библиотечка насчитывала 13 томов – там была православная литература, «Букварь» Василия Бурцева, изданные на русском языке в Польше «Грамматика» и «Космография». Позже это собрание непрестанно пополнялась. А руководил его воспитанием «дядька» (иностранцы называют его гофмейстером) боярин Борис Иванович Морозов.

Он являлся одним из богатейших людей России и считался «западником». Охотно общался с чужеземцами, принимал из у себя, а свой дом обставлял по европейским образцам. Выписывал заграничную мебель, книги, механические диковинки, украшал стены картинами голландских мастеров. Впрочем, стоит иметь в виду, что никакой российской самоизоляции и ксенофобии в действительности не существовало. Уже и в XVII в. в нашей стране жило и служило множество иностранцев, и «западничество» Морозова нико-

го не смущало. В противном случае разве оставили бы его «дядькой» наследника престола? Он и для царевича заказал немецкий костюмчик и детские доспехи европейского образца. Это тоже никаким грехом не считалось. Хотя не воспринималось и идеалом, к которому зачем-то надо стремиться. У них – свое, у нас – свое. Само собой подразумевалось, что немецкое платье – лишь забава, маскарад. Алексею и в голову не пришло бы, что в таком костюмчике можно пойти в церковь или на официальные торжества.

Но Морозов умел не только развлекать наследника – он также учил его военному делу, основам дипломатии и русского права. Развивал самостоятельное мышление, ввел метод бесед, обсуждая с ним те или иные вопросы и настаивая, чтобы он сам находил ответы. И Алексей рос умным и энергичным юношей. Как и его отец, любил верховую езду и охоту. Очень интересовался религиозными делами. Другом его детства стал постельничий Федя Ртищев – он был на два года старше Алексея и рос вместе с ним. Его современники называли «священномудрым» и «евангельским» человеком. Он и впрямь был необычной личностью – не имел врагов, прощал любые обиды, был начисто лишен алчности и честолюбия. Через Федора Алексей приглашал и любил слушать странников, паломников в святые места, ученых священников и монахов.

1 сентября 1643 г., на праздновании Нового года, Михаил Федорович официально «объявил» народу сына в качестве

преемника. А в июле 1645 г. ему уже пришла пора заменить на троне отца. Кстати, полный титул царя был тогда очень длинным. «Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всея России самодержец, Владимирский, Московский, Новгородский, царь Казанский, царь Астраханский, царь Сибирский, государь Псковский, великий князь Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский, и иных, государь и великий князь Новагорода Низовыя земли, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский и всея северныя страны повелитель, государь Иверския страны, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей и иных многих восточных, западных и северных государств и земель отчичу, дедичу и наследник, государь и обладатель».

Тут, правда, надо учитывать, что в XVII в. не только в России, а и во всем мире титулам придавалось первостепенное значение. От титула монарха зависел и рейтинг всего государства. Казалось бы, мелочь на сегодняшний взгляд – имя какого правителя в договоре должно стоять первым, а какого вторым? Чей посол сидит «выше», а чей «ниже» на приемах? А в ту эпоху на подобных «мелочах» строилась вся система международных отношений. Уступить первенство в «чести» одному значило тут же вызвать аналогичные претензии со стороны других государств, считающих себя не ниже тех, кому уступили. И уже твоя держава, глядишь, скатится далеко

вниз в дипломатической иерархии.

Титул был неотъемлемой частью политики. Так, владетель крохотного Шлезвиг-Гольштейна именовался «герцог Шлезвигский, Гольштейнский, Стормарнский и Дитмарсенский, граф Ольденбургский и Дельменгорстский». И пропустить в официальном документе, скажем, «графа Ольденбургского» означало усомниться в правах на обладание Ольденбургом. Это было смертельное оскорбление, такого повода вполне хватало для войны. Точно так же и у французского короля титул включал все его провинции – он был одновременно дофином Дофине, дофином Валентинуа, графом Прованским, графом Барселонским и т. д. и т. п. Как нетрудно увидеть, титул русских царей сложился исторически – он «рос» по мере присоединения к Москве Твери, Новгорода, Рязани. При Иване III, на начальном этапе подчинения сибирских племен, добавлялись «Обдорский», «Кондинский». Потом поняли, что уж слишком длинно получится, и закруглили общей фразой насчет «иных восточных и северных земель». Хотя то, что уже успели включить – оставили. Некоторые части титула не означали реальных владений, а были символическими или выражали претензии государств. Отсюда осторожная формулировка насчет «западных земель». А властители Грузии при Федоре Иоанновиче уступили царю титулы в обмен на материальную помощь. Претендовать на суверенитет над Грузией Москва в обозримом будущем не собиралась, но титулы приняла – запас карман не тянет,

авось пригодится. Аналогичным образом, например, герцог Туринский носил титул короля Кипрского, купленный у наследников Кипра, давно принадлежащего туркам (и благодаря этому котировался в дипломатии выше «просто» герцогов).

Разумеется, несмотря ни на какую подготовку, 16-летний мальчик, убитый горем после смерти отца, не смог бы сразу подхватить всю массу государственных дел. Но царь на Руси правил не единолично. При нем постоянно действовал коллегиальный законосовещательный орган – Боярская Дума. А в отличие, допустим, от британских или французских пэров, на Руси боярство было не титулом, а чином, который присваивался персонально. Представитель знатного рода начинал службу в звании новика или стряпчего. Достойных производили в стольники. Следующей ступенью были окольничие – они были «около» царя и уже входили в Думу. А уж дальше, если заслужили, жаловалось боярство. Выходцы из 16 самых высоких родов имели право стать боярами, минуя чин окольничего, а кого-то жаловали по родству с царем и его близкими. Но за особые заслуги боярами могли стать и не аристократы. И к тому же в Думу входили еще думные дворяне (выходцы из мелких помещиков) и думные дьяки – из служилых чиновников и простонародья. Такие чины достигались только персональными способностями. Так что в целом состав Боярской Думы был весьма компетентным и работоспособным. Например, в середине XVII в. в ней на-

считывалось 29 бояр (5 не из знати), 24 окольничих, 6 думных дворян и 4 думных дьяка.

Конечно, орган из 60 с лишним человек был бы слишком громоздким для текущей работы. Поэтому существовала более узкая, «Ближняя» или «Малая» дума при царе. Она-то и выполняла функции правительства, прорабатывая вопросы и вынося их на обсуждение Боярской Думы. После чего выносилось решение с формулой: «Царь повелел, и бояре приговорили». Исполнительную власть осуществляли на Руси приказы, аналог «министерств и ведомств». В разные годы их насчитывалось от 30 до 50. Так, Посольский приказ ведал иностранными делами, Разбойный – уголовными, Большой Казны – финансами. Штаты этих учреждений были минимальными: два-три дьяка (старшие чиновники), несколько подьячих (их помощников) и писцов. Весь центральный «бюрократический аппарат» насчитывал 600 – 1000 человек. И ничего, справлялись! В административном отношении Россия делилась на уезды и волости. В уезды назначались воеводы, им подчинялись волостные тиуны. Вот так, в общих чертах, выглядела «вертикаль власти» – которая, как уже отмечалось, дополнялась земскими «горизонталями».

Алексею Михайловичу сразу же пришлось столкнуться с очень сложными проблемами. Несмотря на мирный договор с Турцией, крымцы не оставляли планов сокрушить донских казаков и потеснить русских. И в июле, когда еще звонили погребальные колокола по Михаилу Федоровичу, царевич

Девлет-Гирей Нуреддин с войском из 5 тыс. всадников задумал прощупать наши рубежи. Россия в это время усиливала обороноспособность Дона. Здесь находились воеводы Кондырев и Красников с 4 тыс. стрельцов и «новых казаков», навербованных из добровольцев. Отстраивалась и укреплялась новая казачья столица, Черкасск. Его-то и решили разгромить крымцы. Скрытно подобрались к городку и внезапно напали на него. Но царские ратники и донцы быстро сумели сорганизоваться и дали отпор. Нуреддин отступил на Кагальник.

Атаманы Петров и Васильев с воеводами пришли к мнению, что налетчиков надо проучить. На татар выступило объединенное войско из 7100 человек. На стругах и берегом спустились по Дону, оставили суда, совершили бросок через степь и внезапно обрушились на вражеский лагерь. Неприятель стал откатываться к Азову, запросив оттуда подмогу. Из города выступил турецкий паша с 6 тыс. янычар и спагов (отборная поместная кавалерия). И теперь уже на нашу рать навалились почти вдвое превосходящие силы. Многие «новые казаки» и стрельцы были необстрелянными, набирались они из всякой вольницы. Часть их ударилась в панику, побежала. Достигнув стоянки стругов, беглецы захватили их, а некоторые порубили, чтобы турки не смогли ими воспользоваться, и удрали вверх по Дону.

Но остальное войско устояло, упорно отбивая атаки. Нуреддин понес большие потери и, выйдя из боя, повел своих

всадников в Крым. После чего и паше осталось лишь повернуть обратно в Азов. Атаманы и воеводы бросили свою конницу на преследование татар и трепали их арьергарды до самого Перекопа, а пехота 6 августа возвратилась в Черкасск. С донесением в Москву поехала станица во главе с атаманом Васильевым. Молодой царь действия одобрил, в ответной грамоте похвалил «бившихся честно». И послал «нашему Донскому Войску, атаманам и казакам, нашего царского величества знамя». Дезертиров было велено бить кнутом, «чтоб такое воровство другим было не в повадку». А на будущее ставилась задача: «Крымцев и ногаев воевать, а с турскими людьми под Азовом жить мирно». То есть требовалось не провоцировать Османскую империю, но и ее хищным подданным Москва больше спускать не собиралась.

Правда разбор этого дела и выработка решений вряд ли производились самим царем. На него обрушилось новое горе. Его мать, Евдокия Лукьяновна, была женщиной скромной, незаметной, всегда держалась в тени. Но настолько сильно любила мужа, что пережила его всего на 5 недель. Алексей почти в одночасье стал круглым сиротой. И был настолько потрясен, что вместо положенных 40 дней решил принять годичный траур по родителям. Однако траур – трауром, а жизнь продолжалась. И уж тем более не ждали государственные дела. В Москве собрался Земский Собор, утвердивший царствование Алексея Михайловича и принесший ему присягу от «всей земли». А траур стал удобным

предлогом замять затянувшийся скандал с Данией. Принца Вольдемара без лишнего шума выпроводили на родину – теперь свадьба царевны Ирины отменилась как бы по «уважительной причине», без «урона чести».

Смена царя вызвала и большие перестановки в правительстве. Прежнее руководство, составлявшее костяк Ближней думы – Иван Черкасский, Федор Шереметев, Никита Романов – было постепенно оттеснено на второй план. Оттеснили и Стрешневых, родственников матери царя. А на роль фактического главы правительства выдвинулся воспитатель Алексея Морозов. Он возглавил приказы Большой Казны, Стрелецкий, Аптекарский и Новой Чети (ведавший доходами от винной монополии). Руководить Посольским приказом был поставлен доверенный человек Морозова, думный дьяк Назарий Чистый. Возвысились князья Львов, Одоевский. Поднялся по служебной лестнице и Алексей Никитич Трубецкой. Он успел зарекомендовать себя на воеводстве в Тобольске и Астрахани, организуя оборону от степняков. Хорошо командовал войсками при строительстве засечных черт и угрозе войны с Турцией. Теперь же царь приблизил его к себе и произвел из окольничих в бояре.

Надо сказать, что переменами на российском троне и при дворе попытались воспользоваться многие соседи. На этом решили сыграть, например, поляки. Они учли ухудшение отношений нашей страны с Данией, Крымом, и в Москву прибыл посол Стемпковский, который повел себя довольно наг-

ло. В ультимативном тоне снова поднял вопрос о спорных территориях, потребовал выдачи православных перебежчиков-украинцев. Но от агентуры Ордина-Нащокина Посольский приказ располагал исчерпывающей информацией, что Дания, разбитая шведами, угрожает России только на словах, а на более серьезные акции не способна. Известно было и о разногласиях у самих поляков, о том, что воевать они не готовы и не собираются. Словом, было ясно, что Варшава просто хочет взять Москву «на пушку». И правительство заняло на переговорах твердую позицию, на все выдвинутые претензии Стемпковский получил категорический отлуп.

Активизировался и персидский шах Аббас II. Он не оставил замыслов своего деда и отца подчинить Северный Кавказ. Действовал исподтишка. Влезал во внутренние дрязги дагестанских и кабардинских князей, старался стравливать их между собой, чтобы поддержать ту или иную сторону, добиться роли арбитра. Но подобная практика ему мало помогала. Горцы знали, какие налоги дерет шах со своих закавказских подданных, и предпочитали номинальное подчинение царю. И Аббас, понадеявшись на «междуцарствие» в Москве, предпринял силовое вмешательство. Для начала задумал отстранить от власти уцмия Кайтага Рустам-хана, послал в Дагестан отряд, но горцы его разбили. Взбешенный шах отправил большое войско. Оно погромило Дагестан, изгнало Рустама, а на его место посадило ставленника персов Амир-хана Султана. Аббас планировал сделать Кайтаг плац-

дармом для дальнейшей экспансии, иранцы начали строительство своей крепости в селении Башлы. Но остальные дагестанские властители сразу обратились к царю. Эндереевский князь Казанлип писал: «Яз с кизилбашскими (*т. е. персидскими*) и с Крымом и с турками не ссылаюсь, холоп ваш государев крепкий. Да бью челом вам, Великий Государь: токо учнут меня теснить кизилбашеня или иные наши недруги учнут на меня посягать, и вам бы, Великому Государю, велеть мене дать на помощь астраханских и терских ратных людей и Большому Ногаю помогать».

Москва отреагировала весьма решительно – терскому воеводе был послан приказ привести войска в боевую готовность и выступить при первой необходимости. На Терек пошли полки из Астрахани и Среднего Поволжья. А шаху был предъявлен ультиматум – немедленно очистить Дагестан. Аббас понял, что воцарение Алексея не вызвало шатости и ослабления в России, увел войско и отказался от своих проектов. Это чрезвычайно подняло авторитет нового государя. Ему присягнули на верность Тарковский шахмал Суркай, Аварский хан, Эндереевский князь и зависимые от них правители чеченцев, присягнули кумыцкие князья, в Большой Кабарде – мурзы Алегуко и Ходжуко Казиевы, в Малой – князья Шолоховы, Мударовы, Ахлововы, присягнула Анзорова Кабарда, мурза Ларс Салтан в Дарьяльском ущелье, присягнули абазины. И даже поставленный персами Кайтагский уцмий Амир-хан Султан, струсив, заверял терского во-

еводу, что готов быть «под его царскою и шах Аббасова величества рукою в опчем холопстве», а ежели шах не будет против, то и в царском «неотступном холопстве».

Крымцы тоже не прекратили попыток испытать на прочность русские рубежи. В декабре стало известно, что к границам со значительными силами приближаются царевичи Калга и Нуреддин. Большим воеводой (главнокомандующим) в Тулу был назначен Алексей Трубецкой – с задачей встретить и отразить врага. Он опять показал прекрасные полководческие качества, сумел быстро собрать войска и сосредоточить их на нужных направлениях. И татары, узнав об этом, на рожон не полезли. Ушли прочь.

Новое правительство продолжило курс по закреплению на Юге. В 1646 г. Алексей Михайлович издал указ, разрешавший вольным людям всех сословий уходить на Дон. Причем царь, как и его отец, считался с казачьими традициями, не вмешивался в самоуправление Войска Донского и сохранил юрисдикцию «войскового права». Признал даже закон «с Дона выдачи нет». Впоследствии эмигрант Котошихин писал: «А люди и крестьяне, быв на Дону хоть одну неделю или месяц, а случится им с чем-нибудь в Москву отъехать, и до них впредь дела не бывает никому, потому что Доном от всех бед освобождаются». Но считать, что казачество множилось за счет беглых, глубоко неверно. Они могли селиться на Дону, и только. А казаками становились лишь те, кого принимало Войско – кто хорошо проявил себя, отличился в боях,

стал своим в казачьей среде. На Дону увеличивались и контингенты царских войск. В дополнение к отрядам Кондырева и Красникова в Астрахани стал собирать ратников князь Семен Пожарский, а по городам южной окраины – стольник Григорий Ромодановский.

Но правительство дало понять, что ограничиваться пассивной обороной больше не намерено. В Стамбул было отправлено посольство, и когда великий визирь попытался очередной раз предъявить требование изгнать казаков с Дона, ему было твердо заявлено, что о том и речи быть не может. А вот с Крымом Москва поддерживает отношения только благодаря «дружбе» с султаном, и на все враждебные вылазки татар будет отныне отвечать тем же. Слова были подкреплены силой – началась подготовка похода на Крым. В 1646 г. Трубецкой получил назначение не только «большим», а еще и «дворцовым» воеводой, под его начало передавался личный царский полк. И государь приказал «быть в сходе» в Туле как поместному ополчению, так и отборным войскам – стрелецким частям, служилым иноземцам, «и драгуном, и солдатом». На созданной еще при Филарете судоверфи в Воронеже пошло строительство казачьих стругов.

Турки об этом узнали от пленного казака, под пыткой он сказал, что в Черкасске готовится 300 стругов и в Воронеже 500. Конечно, он запугивал своих мучителей. Струг брал на борт 50–70 человек, и 800 судов должны были бы везти как минимум 40-тысячную десантную армию. Что явля-

лось явным преувеличением – во всем Войске Донском насчитывалось 15–20 тыс. воинов. Но на турок подобное известие подействовало ошеломляюще. Великий визирь взбеленился. Велел посадить русских послов в Семибашенный замок и кричал на них, что если хоть сколько-нибудь казаков выйдет в набег, «сожгу вас в пепел, и если хотите живыми быть, посылайте гонцов». Однако положение самой Порты было сложным. Война за Крит оказалась не столь легкой, как казалось. И ссора с Россией была для Стамбула совершенно некстати. Впрочем, и Москва не желала войны. На самом-то деле поход на Крым, защищенный безводными степями и мощными укреплениями Перекопа, был чрезвычайно трудным предприятием. Поэтому подготовка была, скорее, масштабной демонстрацией. И своей цели она достигла, турки пошли на компромисс. Царь отменил поход, а Порте пришлось признать включение казачьего Дона в состав России и приказать хану прекратить провокации.

Не прерывались и контакты России с другими державами. Посольства с объявлением о восшествии на трон Алексея Михайловича поехали в Англию, Голландию, Данию, Швецию, Польшу, к германскому императору Фердинанду III. Но кроме государств, с которыми у русских уже сложились традиционные связи, была предпринята попытка установить дипломатические отношения с Индией. Торговля с ней велась уже давно. Индийские купцы добирались до нашей страны через Бухару, имели свои подворья в Москве, Казани, Ниж-

нем Новгороде, а в Астрахани им разрешили построить особый квартал с жилыми домами, складами, даже с действующим храмом Вишну. На Руси их называли «агрыжане» – от Агры, столицы империи Великих Моголов. И в 1646 г. к властителю этой империи Шах-Джахану было отправлено посольство во главе с Никитой Сыроежкиным. Хотя добралось оно только до Ирана. Аббас II находился с Шах-Джаханом в состоянии войны, да и отпор в Дагестане не забыл. Возможно, опасался, что русские могут сговориться с его врагом, и не пропустил посольство через свою территорию.

Еще одна дипломатическая миссия, дьяка Анисима Грибова, поехала в Центральную Азию. Посетила Джунгарскую державу, была принята при дворе хунтайджи Батура. Калмыки к тому времени потерпели серьезное поражение в Средней Азии, а с востока у них вырисовывался новый грозный враг – маньчжурская империя Цин. Батур понимал, что рано или поздно столкновение с ней неизбежно, поэтому охотно откликнулся на предложение России о нормализации отношений. Ему была передана грамота Алексея Михайловича на право беспошлинной торговли в городах Сибири, в Томске калмыцким купцам выделялось специальное место, а через Астрахань им разрешалось пригонять лошадей для продажи в Москву.

Правда, западная ветвь калмыков, ушедшая в Волго-Уральские степи, вместе с ногаями и башкирами по-прежнему досаждала России набегами. Но система защиты от кочев-

ников с помощью засечных черт уже показала высокую эффективность. И правительство приняло решение таким же образом прикрыться с востока. Для этого на р. Барыш была заложена крепость Корсунь, а на Волге – Симбирск. Они стали базовыми пунктами для строительства Корсунь-Симбирской линии протяженностью 165 верст. В лесистых местах она представляла собой сплошную засеку, непроходимую для конницы, а на открытом пространстве – ров и десятиметровый вал с частоколом. Через каждые 20–30 верст ставились острожки для дежурных подразделений, а в районе Тамбова Корсунь-Симбирская черта смыкалась с Белгородской. Таким образом все густонаселенные районы Центральной России оказались опоясаны единой системой укреплений.

Москва Златоглавая

Как же выглядела наша столица во времена Алексея Михайловича? Венгерский путешественник Эрколе Зани писал: «Я удивлен громадностью города. Он превосходит любой из европейских или азиатских. Благодаря этому пешком ходить невозможно, и надо ездить… Для этого при почти каждой улице стоят наготове извозчики с санями и повозками. В нем живет несчетное множество народа – иные насчитывают миллион, а иные, более сведущие, более 700 тысяч. Без сомнения, он втрое больше виденных мною Парижа и Лондона… Хотя большая часть строений там из дерева, однако снаружи они довольно красивы и вперемежку с хоромами бояр представляют чудесный вид. Улицы широки и прямы, много обширных площадей; выложен он толстыми круглыми сплошными бревнами… При каждом жилище или боярских хоромах дворы, службы, баня и сад».

Да, Москва уже тогда была «мегаполисом». Павел Алеппский оценивал ее окружность в 30 верст, Таннер – в 45. Рейтенфельс указывал: «Москва, средостение государства и священное место пребывания царя, по справедливости должна быть отнесена к числу величайших городов земного шара» и называл число 600 тыс. жителей, Невилль – 500–600 тыс. Койэтт сообщал, что в городе было 95 тыс. домов, «не считая дворов и церквей». Многие отмечают и кра-

соту столицы. Характеризуют как «богатейший и прекраснейший в мире город» (Перри). «Климат в ней довольно мягкий и местоположение ее весьма красиво, она поражает своими приблизительно 2 тысячами церквей, которые почти все каменные и придают городу великолепный вид» (Рейтенфельс). А голландский художник Корнелий де Бруин расхваливал как «чрезвычайно красивые деревянные постройки», так и множество «красивых каменных зданий».

Делилась столица на 5 основных частей – Кремль, Китай-город, Белый город, Замоскворечье и Земляной город. Вид Кремля отличался от нынешнего. На гравюрах того времени перед нами предстает настоящий «сказочный» город – из-за стен видны многочисленные терема, их фигурные кровли, башенки, флюгера. «Что же касается кремлевских церквей, то в них колокольни обтянуты гладкою густо позолоченной жестью, которая при ярком свете превосходно блестит и дает всему городу снаружи превосходный облик» (Олеарий). Позолоченные купола произвели впечатление и на Таннера: «И в нас при первом взгляде побудило неясное уважение к этому городу». Но Кремль еще сохранял свое прямое назначение – крепости. Его стены были окружены глубокими рвами и «снабжены великолепными орудиями и солдатами». Башен было 18, ворот – 6, подступы к ним прикрывались предмостными укреплениями (из которых сохранилась только Кутафья башня). Башни, имеющие ворота, обычно назывались по иконе, помещенной на них.

На Спасской была икона Спаса, на Троицкой – Св. Троицы и т. д. Некоторые башни имели функциональное назначение. Так, Водовзводная служила водонапорной. В основании ее существовал колодец, в ней стояли насосы для подачи воды. На Набатной башне висел сигнальный колокол. В подвале Троицкой располагалась тюрьма. А на Спасской были часы с боем. Циферблат их делился не на 12, а на 24 часа, они вызванивали на колоколах «музыкальную гамму… наподобие чешских» (Таннер), а каждый час обозначался ударами большого колокола.

«Внутри Кремля находится много великолепных построек из камня: зданий, дворцов и церквей, которые обитаются и посещаются великим князем, патриархом, знатнейшими государственными советниками и вельможами» (Олеарий).

Впрочем, Кремль посещался не только «знатнейшими», ворота запирались лишь в моменты опасности, а в обычные дни сюда по своим делам захаживало и простонародье. Кремль был административным и церковным центром государства. Тут располагались царские палаты – Грановитая и Золотая, где проходили заседания Боярской Думы, приемы послов. Европейцы называли их «великолепными строениями и дворцами на иностранный манер». Но жилая резиденция царя была «ради здоровья» деревянной – чудесный Теремной дворец, построенный в 5 ярусов, с замечательным искусством и фантазией русских мастеров. Он-то и придавал Кремлю «сказочный» вид фигурными маковками и башен-

ками.

Внутреннее убранство царской резиденции оставляло у посетителей не меньшее впечатление. «Изнутри дворцы настолько изукрашены и обвешаны персидскими коврами, столь восхитительно выработанными золотом, серебром и шелками, что не знаешь от удивления, куда направлять свои взоры. Там можно видеть такое собрание золота, драгоценных камней, жемчуга и великолепных предметов, что нет возможности всего описать» (Айрман). Интерьер помещений отделывался обоями из атласа, тисненой кожи, стены украшались затейливой росписью и живописью, в том числе и на исторические темы. Койэтт восхищался «аудиенц-залом» – Золотой палатой. Маскевич упоминает искусную систему отопления во дворце – подземные печи, откуда горячий воздух проникал по трубам в «душники» для обогрева помещений. Охрану царской резиденции осуществляли 2 тыс. стрельцов – в одну смену на посты их становилось 250. Это были отборные, вышколенные стражники. Коллинз пишет: «Телохранители и стража при его дворе стоят как безгласные неподвижные истуканы».

Главной площадью Кремля являлась Соборная. На нее выходили несколько храмов – Успенский собор, собор Михаила Архангела (где была усыпальница царей) и Благовещенский (он строился в качестве «домовой церкви» государей). О величии и красоте этих храмов, читателю, надеюсь, известно и без моих комментариев. А в то время их еще

и украшали иконы лучших мастеров, Феофана Грека, Св. Андрея Рублева и др. Второй площадью Кремля была Ивановская – названная по колокольне Ивана Великого. На ней находился самый крупный в мире действующий колокол – 70-тонный Успенский. А всего колокольня Ивана Великого имела 37 колоколов – и «дискантовые», и «альтовые», и «теноровые», и «басовые», которые «составляют между собой музыкальную гармонию» (Таннер).

На Ивановскую площадь выходило и несколько главных приказов. Тут же, с крыльца, подьячие оглашали указы и решения (отсюда и поговорка «орет на всю Ивановскую»). В Кремле располагались также аптека, Оружейная палата, церковь Ризоположения, два монастыря, Чудов и Вознесенский (уничтоженные в XX в). В Чудовом действовала школа, основанная Филаретом, – с углубленным изучением богословия, греческого языка, латыни, в ней готовились квалифицированные священники, кадры для дипломатии. По соседству находились подворья некоторых других крупных монастырей (здесь было представлено 5 мужских и 3 женские обители). Всего же в Кремле насчитывалось полсотни церквей.

К Кремлю примыкал Китай-город. Его границы проходили примерно по нынешним Китайгородскому проезду, Старой и Новой площадям, Театральному проезду и Охотному ряду. На Красной площади, кроме храма Василия Блаженного и Лобного места, тоже служившего для оглашения указов и различных торжественных мероприятий, приезжих удив-

ляли пушки. В обоих концах площади стояли по 2 огромных орудия, в каждом из которых «человек может сидеть» (Павел Алеппский). Здесь же располагалось большинство приказов и Земская изба – центр городского самоуправления. В Китай-городе жили князья, вельможи, богатейшие купцы. Но главным образом это был торговый центр. Вся Красная площадь и прилегающие к ней улицы являлись рынком. Площадь была «полна торговцев, мужчин и женщин, рабов и праздношатающихся».

Причем для каждого вида товара предназначался особый ряд. И европейцы, не знавшие у себя такого порядка, хвалили его как очень удобный – «каждый, благодаря ему, знает, куда ему пойти и где получить то, что надо» (Олеарий, Кильбургер, Айрман. Рейтенфельс и др.). Торговых рядов было более 120. Хлебный, Калашный, Пряничный, Ветчинный, Сальный, Мясной, Просольный, Живой, Свежий (торговавший рыбой), Охотный, Капустный, Луковичный, Чесночный, Огуречный, Яблочный, Дынный, Кафтанный, Шубный, Кушачный, Шапочный, Рукавишный, Зеркальный, Фонарный, Иконный, два свечных. В других рядах торговали шелком и сукном, чулками, коврами, церковными облачениями и утварью, изделиями золотых дел мастеров, продукцией шорников, сапожников, скорняков. А внутри каждого вида товара существовала и своя специализация. Скажем, скорняки делились на белочников, бобровников, душечников и др. А изготовлением и продажей кошельков и су-

мок занимались калитники, кошельники, сумники, мошенники. Особое место было отведено даже для старого тряпья – Ветошный ряд. Был и Книжный ряд «длиной в целую милю» (Айрман). Значит, и на интеллектуальную продукцию спрос был немалый. А в Зелейном ряду, торговавшем лекарственными растениями и прочими медицинскими снадобьями, можно было нанять «лечьца», «зубоволока», «костоправа», «кровопуска» и даже «бабичьих дел мастера»

Качество товаров было высоким. Павел Алеппский расхваливает продукцию из железа: котлы, сковороды, умывальники «превосходной работы», Кильбургер – Лоскутный ряд, «где продают всякие вещи, а между оными прекраснейшие и дорогие, так что по справедливости можно считать его между лучшими рядами и назвать иначе». Таннер хвалил деревянные ложки и кубки «изящной формы». Земская изба и городские суды наблюдали за чистотой на рынках, взимали пошлины. Некоторые ряды представляли собой открытые столы с навесами, другие – длинные шеренги каменных лавок, запирающихся на ночь железными дверями и ставнями. В двух больших крытых рядах, которые Павел Алеппский сравнивает со стамбульским безистаном, продавали дорогую одежду, оружие «и редкости, новые и старые». Всего же в столице насчитывалось до 40 тыс. лавок. «В городе Москве помещается больше торговых лавок, чем в Амстердаме или хотя бы в ином целом княжестве» (Кильбургер).

В отдельном месте цирюльники стригли и брили желаю-

щих – его называли «Вшивым рынком». Разумеется, в насмешку – с насекомыми у чистоплотных москвичей обстояло куда благополучнее, чем у парижан и лондонцев. Возле Лобного места под видом торговок холстом собирались проститутки – они обозначали себя тем, что держали в губах колечко с бирюзой. Впрочем, на Руси их промысел в законодательном порядке не преследовался. Под «прелюбодеянием» понималось только двоеженство или двоемужество. А бабенок легкого поведения называли «прелестницами» и, если попадутся, могли разве что вздуть батогами. А неподалеку от Красной площади располагалось под землей 200 винных и яблочных погребков. Это были не кабаки – тут продавались дорогие импортные вина, выдержанные меды, напитки из вишни и малины. Продавались оптом, в бочонках. Но желающий мог взять и в склянках, на пробу, и тут же продегустировать разные сорта, закусывая наливным яблочком. Причем летом напитки подавались с ледника, охлажденными.

На базаре осуществлялись и телесные наказания преступников, отсюда и название «торговая казнь». Но смертные казни в центре города не проводились. Их устраивали на отшибе, на Козьем болоте. Кроме центральной тюрьмы в Троицкой башне, имелись еще две – за Неглинной. Там обычно содержали осужденных к ссылке, ожидающих своей очереди для отправки в Сибирь.

В Москве было много иностранных купцов – единовре-

менно до тысячи. Для размещения иноземцев и их торговли имелось два обширных двухэтажных гостиных двора – немецкий и персидский. При немецком, где продавались европейские товары, находились склады, большие городские весы, взимались пошлины с импорта, там же была биржа, где заключались крупные сделки. Персидское подворье было «просторно и имело резные деревянные палаты» (Бурх). Там было 200 лавок, расположенных по периметру «под сводом». Тут оперировали и менялы, осуществлявшие обмен европейских, азиатских и русских валют. Айрман описывал в Москве множество «персиян, татар, киргизов, турок, поляков… лифляндцев, шведов, финнов, голландцев, англичан, французов, итальянцев, испанцев, португальцев, немцев из Гамбурга, Любека, Дании», и то, что рядом с их лавками постоянно околачивались «многие» русские, знающие иностранные языки, поэтому покупатель здесь «в любое время найдет переводчика, который быстро сумеет навязать свои услуги».

Чужеземцев поражало не только изобилие всяких товаров, но и их дешевизна. Например, мясо было так дешево, что его продавали не на вес, а тушами или рубили на глазок. Кур и уток продавали «сороками». Восточные товары попадали на Русь напрямую, без посредников, и стоили на порядок меньше, чем в Европе. Таннер удивлялся, что в Москве «мелкие граненые рубины до того дешевы, что продаются на фунты – 20 московских или немецких флоринов за фунт».

Даже простолюдины позволяли себе покупать драгоценные на Западе пряности и добавлять в выпечку, делая пряники, а женщины из простонародья носили золотые и серебряные украшения, наряжались на праздники в шелка и бархат. И австриец Гейс насчет русского богатства замечал: «А в Германии, пожалуй, что и не поверили бы».

Гостиным дворам не уступало и «великолепное подворье для послов к царю» (Койэтт). Оно имело «вид крепости» (Хуан Персидский), с башенками по углам, а у входа – высокую башню с тремя балконами на разных уровнях, чтобы иностранцы могли обозревать Москву. Здание было рассчитано на 400 человек, в нем были кабинеты, большие залы, жилые и складские помещения. А по соседству с Посольским подворьем стоял комплекс Посольского приказа из 4 обширных корпусов. Неподалеку – «великолепнейшее здание» Печатного двора. Был и «Греческий двор… уступающий впрочем несколько Греческому подворью в Риме» (Рейтенфельс). А парадными воротами в Китайгородской стене служили Неглинные. Они были крыты позолоченной медью, а над воротами находилось помещение, из которого царь и царица «неофициально» наблюдали за въездами иностранных посольств.

Южнее, в Замоскворечье, располагались стрелецкие и ремесленные слободы. Китай-город с Замоскворечьем соединял «живой мост». Вообще в Москве было несколько деревянных мостов «на сваях», а этот был «на судах» – понтон-

ный. Настил был сделан из больших деревянных брусков и удерживался на канатах, крепившихся к башням на берегах. Писали, что «живой» мост «возбуждает большое удивление». «На этом мосту есть лавки, где происходит бойкая торговля; на нем большое движение; мы постоянно ходили туда на прогулку. По этому мосту идет путь в Калугу, Путивль, а также в Смоленск и страну ляхов; по нему беспрестанно движутся взад и вперед войска» (Павел Алеппский). А поскольку «вода здесь стоит высоко, в уровень с мостом», тут было и общепризнанное место для стирки, на мосту «каждый день видишь много женщин с бельем» (Таннер).

С запада, севера и востока Кремль и Китай-город опоясывал Белый город. Также окруженный «крепкой каменной стеной», проходившей примерно по линии современного Бульварного кольца. К сожалению, и ее тоже разрушили при советской власти. Хотя она являлась творением знаменитого архитектора Федора Коня. Павел Алеппский описывает ее как чудо фортификации: «Она больше городской стены Алеппо и изумительной постройки, ибо от земли до середины высоты она сделана откосом, а с повышением до верху имеется выступ, и потому на нее не действуют пушки». Бойницы имели наклон вниз, что позволяло простреливать «мертвое пространство» у стен. «Таких бойниц мы не видели ни в Антиохии, ни в Константинополе, ни в Алеппо». Ворота прикрывали сильные башни с артиллерией.

На Неглинной и Яузе действовало много мельниц. Поэто-

му в Белом городе были сосредоточены хлебные и мучные лабазы, торговали булочники. Тут же находились мясной и скотный рынки. А еще одним поясом с внешней стороны Белый город окружал Земляной. Там располагались рынки для торговли зерном, лошадьми и лесной рынок, где можно было купить бревна, срубы, готовые разобранные дома. Покажи, куда ставить – вмиг поставят. Земляной город был окружен мощным валом и стеной из деревянных срубов, наполненных камнями и землей, проходившей приблизительно по линии Садового кольца. Коллинз писал: «В ней бревен столько, что можно выстроить из них ряд лондонских тонкостенных домов в 15 миль длиной». Она имела, как сообщают иностранцы, «башни и ворота весьма красивые», «с трехконечными башенками». «Главные ворота велики и роскошны; близ них высится небольшая деревянная башня, где постоянно стоит часовой и на случай пожара и для означения деревянной колотушкой по доске ночных часов по захождении солнца». Это был, кстати, не просто способ «означения часов», но и переклички часовых – чтобы знать, что на постах все в порядке (и что караульный не спит). Постовой у Спасских ворот, услышав бой часов, ударял в специальную доску столько раз, сколько пробило часов. Другие, услышав его, били в свои доски. И так от центра прокатывалось до окраин.

Конечно, москвичи занимались не только торговлей. Базары функционировали по средам и пятницам. В остальные дни работали лишь стационарные лавки. Хотя у многих ре-

месленников магазинчики были и при доме – приходи когда хочешь. Просыпались люди очень рано – шли к заутрене. В церквях недостатка не было. Иностранцы, расшифровывая русское «сорок сороков», пишут о 1,5–2 тыс. храмов и монастырей. Но Павел Алеппский, гостивший по делам церковным, называет цифру 4 тыс. А вдобавок, по наблюдению Олеария, каждый пятый дом в центре имел «часовню» – речь идет о домовых церквях вельмож и богатых купцов. Храмы были не только религиозными, но и общественными центрами. В патрональных церквях ремесленных общин собирались для выборов своего самоуправления, решения других важных дел. В подвалах каменных храмов были склады дорогих товаров. Тут хранилась общественная казна, иногда отдавались на хранение и частные ценности. Проспать службу или забыть о ней было для москвича физически невозможно. Напоминали колокола. Их в каждой церкви было не менее 10. Первым подавал голос патриарший колокол. По его сигналу начинали звонить колокола Чудова монастыря. И за ними созывали прихожан все остальные. А уж по воскресеньям и праздникам все утро стоял перезвон, «от гула которого дрожала земля» (Павел Алеппский).

Рабочий день начинался молитвою – и обычно натощак. На Руси редко завтракали, а ели дважды в день, в обед и ужин. А после обеда укладывались на часок вздремнуть.

Если на базаре – то прямо в лавках, на телегах, а то и на земле. Точнее, под ногами-то был «пол». Вся Красная пло-

щадь и основные улицы Москвы были вымощены деревом. Для этого укладывался бревенчатый настил, а сверху накрывался плоским рядом плах. Правда, со временем на мостовую наносилась пыль, при дождях образовывался слой грязи. Однако за состоянием улиц городские власти следили, для их устройства собирали особые «мостовые деньги», и когда грязи становилось много, улицу мостили снова – иногда поверх старого покрытия.

Функционировал городской транспорт – шла «большая езда из одной части города в другую» (Таннер). Как сообщал Рейтенфельс, «на каждом перекрестке и у каждых ворот стоит… наготове много извозчиков, то есть возниц, которые, договорившись за весьма малую плату, быстро доставят приезжего к месту, им указанному». Невилль отмечал, что их было около тысячи – с «маленькими тележками, запряженными в одну лошадь». Описывает он и экипажи «наподобие паланкина», в которых ездили женщины по 5–6 человек. Чтобы пройти всю Москву пешком (иностранцы засекали), требовалось 3 часа. Но и в карете от центра до Земляного вала добирались за час. Между прочим, вплоть до 1670—1680-х гг. сам по себе городской транспорт чужеземцы описывали в качестве диковинки, подробно разъясняя, что это такое. Потому что в европейских городах ничего подобного еще не было – если нет своей кареты или телеги, топай пешком.

Хотя тут сказывался и другой фактор. Западные города за-

страивались так тесно и скученно, что по большинству улиц те же кареты и телеги не могли бы проехать. А большие размеры Москвы обеспечивались не только количеством жителей, но и тем, что русские жили просторно. Улицы достигали шириной 6—16 м (на Западе чаще всего – 2–4 м). Значительную часть территории занимали сады. Они были в каждом дворе, и летом Москва утопала в зелени. Растения сажали не только плодовые, но и декоративные. В начале XVII в. сортовые цветы на Руси еще не разводились, в садах росли шиповник и прочие представители полевой и лесной флоры. Однако к середине столетия пошла другая мода. Русские стали отсаживать из садов иностранцев махровые и прованские розы, покупать импортные семена цветов. А вскоре уже и свои семена и саженцы появились.

Улицы в Земляном городе и Замоскворечье представляли собой ряды по 30–40 домов. Пустыри между такими «микрорайонами» специально не застраивались, зеленели рощицами и кустарником. Здесь посадские проводили всякие «народные гуляния», пасли скот. Но такая планировка была полезна и в противопожарном отношении. Ведь Москва была в основном деревянной (кстати, она оставалась на две трети деревянной вплоть до 1812 г). Павел Алеппский писал: «При каждом доме есть непременно сад и широкий двор, оттого говорят, что Москва обширнее Константинополя и более открыта, чем он; в этом последнем все дома лепятся один к другому, нет открытых дворов, и дома в связи между собой.

Поэтому, когда случается пожар, его не могут погасить. В Москве же много открытых мест и ее улицы широки, и когда случится в ней пожар, его быстро гасят».

Противопожарной охране вообще придавалось большое внимание. В каждом квартале назначались объезжие «для осмотру огня и воды» То есть для проверки правил обращения с огнем и наличия в каждом доме средств пожаротушения. А если все же занялось, тушением занимались стрельцы. Существовали уже пожарные команды, вооруженные помпами, имеющие специальные обозы повозок и лошадей, путь огню преграждался кожаными щитами, которые поливали водой. И дома на пути пожара ломали – на лесном рынке можно было потом недорого купить новые. Стрельцы выполняли и полицейские функции. Для этого им выдавали не только боевое оружие, но и короткие плетки – аналог нынешних милицейских дубинок. И государство их службу очень ценило. В Москве было несколько богаделен для престарелых и инвалидных стрельцов, которых содержали *с женами и детьми* за государев счет! Вот такого уж точно ни в одной европейской стране не было. Кроме общегородских земских властей существовали местные. В каждом квартале, сотне (дворов), слободе выбирали своих старост, сотских, десятских. Наряду с государственной действовала «общественная» служба охраны порядка – местные власти поочередно наряжали посадских в уличные караулы. (Не всех – мастера, числившиеся на государевой службе, например, на

Пушечном дворе, от земских нарядов освобождались.)

Еще одной достопримечательностью Москвы были бани. Почти в каждом дворе имелись частные, а по берегам Москвы-реки, Яузы, Неглинки целыми шеренгами дымили «государевы», общественные бани. Их тоже взахлеб описывают все иноземцы, поскольку они были русской экзотикой.

Побывать при посещении Москвы в бане считалось, видимо, такой же обязательной частью программы, как сейчас сходить на балет. Хотя относились по-разному. Шведы тоже любили париться и отзывались о русских обычаях восторженно: «Ни в одной почти стране не найдешь, чтобы так умели мыться, как в этой Москве». Бани существовали и в Чехии, их переняли от турок. Но там мылись… одетыми, в специальных рубахах и штанах. И чех Таннер с соотечественниками сунулись было одетыми в московскую баню, где их, ясное дело, подняли на смех. Он очень злобно потом плевался в своих сочинениях насчет русской «непристойности». А представители других западных держав, где обычая мыться не было вообще, как раз и шли специально глазеть на «непристойности».

Потому что в русских общественных банях мыльни и раздевалки были раздельные для мужчин и женщин, а сени между ними общие. Лица обоего пола не стеснялись выбегать в чем мать родила за водой, окунуться в реке, а зимой – в проруби или поваляться в снегу. Это вовсе не считалось неприличным и не предполагало каких-то более серьезных

соблазнов. Для русских такое было вполне естественно – баня она и есть баня. Туда ходили и поодиночке, и семьями не реже двух раз в неделю. А если посторонние при том увидят чьи-то прелести – ну так что ж, не убудет. Вот и лезли голландцы, англичане и немцы полюбоваться на голых «московитянок», после чего сообщали читателям о «варварстве» и «безнравственности» русских. Лезли даже и не в общие, а в женские заведения. Как, например, австрийские дипломаты, отправившиеся на экскурсию в боярский сад, где в банях на берегу пруда купалось «более трехсот Диан», встретивших их визгом (Лизек). Хотя можно, конечно, поспорить, что более «нравственно», мыться или подглядывать за моющимися?

Что же касается разночтений в количестве жителей Москвы, то ли 500, то ли 700 тыс., то они вполне естественны. Далеко не всегда было ясно, кого считать столичным населением – уже в те времена Москва «плавно сливалась» с Подмосковьем. Дома строились и вне городских стен, и Павел Алеппский указывал, что «деревни, примыкавшие кругом к городу, бессчетны». Укреплениями Земляного города оборонительные системы не ограничивалась. Иностранцы уже на дальних подступах к Москве отмечали заставы, шлагбаумы, рвы с рогатками. Дополнительным поясом обороны вокруг столицы служило кольцо укрепленных монастырей. Окрестности города были очень живописными, изобиловали лугами, дубравами. Здесь находилось несколько царских сел

– Измайловское, Преображенское, Коломенское. В них были сады, «наподобие итальянских» (Таннер). Преображенское являлось центром соколиной охоты. В Измайлово был зверинец, «или, лучше сказать, лес, обнесенный забором и наполненный стадами разных животных, а близ него изящное здание для приготовления лекарств из садовых врачебных растений» (Рейтенфельс). Рядом с Москвой располагались и загородные дома вельмож – тоже с садами, с рыбными прудами.

В Москве было и 150 слобод. Одни – в городской черте, другие за стенами. За пределы Земляного города выносились, например, пожароопасные слободы – кузнецов и гончаров. За чертой стен лежало и поселение мусульман с мечетью, а также Басманная слобода, где жили мусульмане, принявшие крещение. Тут находились и ямские станции с домами и владениями служащих. «Помещения ямщиков как бы опоясывают город» (Рейтенфельс). (Отметим, что аналогов ямской почты на Западе тоже еще не существовало). Ну и кроме всего прочего за пределы Москвы, «в поле», при Алексее Михайловиче были вынесены кабаки. Так что назюзюкавшийся гуляка мог дрыхнуть под кустиком, не оскорбляя взоров граждан. А пропившийся до исподнего (в таких случаях кабатчик обязан был дать ему «гуньку» – грубое одеяние из рогожи), вынужден был тащиться домой через весь город, сопровождаемый насмешками прохожих.

Дела церковные и мирские

Как видим, авторы, изображавшие Златоглавую Русь в духе некоего «сонного царства», оказываются очень далеки от действительности. Страна жила и развивалась весьма энергично. Уже успел сформироваться общероссийский рынок, разные города и уезды специализировались на различных видах продукции. Кроме Москвы, крупными центрами торговли были Архангельск, Астрахань, Казань, Новгород, Псков, Ярославль, Устюг, Брянск, Нижний Новгород (а всего на Руси насчитывалось 923 города). Действовали оживленные ежегодные ярмарки – Макарьевская, Ирбитская, Тихвинская, Свенская, Ямышевская.

Уже выделились крупные купцы и промышленники, ничуть не уступавшие западным воротилам: Строгановы, Светешников, Шорины, Патокины, Филатьевы, Босые, Ревякины, Балезины, Панкратьевы, Усовы, Стояновы, Емельяновы. На Руси считалось, что человек, сумевший нажить большое состояние и распоряжаться им – ценный специалист, его опыт надо использовать. Таким людям царь жаловал чин «гостя», они получали прямой доступ к монарху, освобождались от податей, становились советниками и финансовыми агентами правительства. Через них велась казенная торговля, они назначались на важные посты, получали подряды на строительство, поставки для армии. За гостями в тор-

гово-промышленной иерархии шли около 400 купцов гостиной и суконной сотен. Они тоже пользовались значительными привилегиями и налоговыми льготами, занимали видное место в финансовых делах государства, в руководстве городской и ярмарочной торговлей. А низшим разрядом предпринимателей были жители черных слобод и сотен («черные» – значит платившие подать) – ремесленники, мелкие лавочники. Но в России торговлей и предпринимательством занимались вообще все сословия – и бояре, и дворяне, и стрельцы, и монастыри, и крестьяне.

Что же касается «крепостного права», то в XVII в. было закрепощено не более половины крестьян. Да и само это право весьма отличалось от форм XVIII–XIX вв. Человека никто не мог продать или купить, распоряжаться его судьбой. Он был только «прикреплен» к земле, и именно земля, а не крестьяне обладала соответствующим юридическим статусом. Если ее владелец – «черносошный», он платил подати в казну, а если «обельный», он «обелялся» от обязанностей по отношению к государству и нес подати и повинности в пользу помещика-военного, вотчинника-боярина, монастыря. Причем крестьянин, как свободный так и крепостной, считался хозяином своей земли. Мог распоряжаться ею в завещании, подарить, продать. И… тогда уже купивший землю получал вместе с ней «тягло» по отношению к государству или помещику. А продавший освобождался от них.

И жило тогда русское простонародье куда лучше, чем во

времена последующие, когда верхушка общества стала швырять деньги на балы, карты, дорогостоящие прихоти. Современники-иностранцы отмечали изобилие или по крайней мере достаток всего необходимого. Писали: «В этой стране нет бедняков» (Хуан Персидский). Одной из причин такого положения были очень низкие по меркам других стран налоги, что в разные времена отмечали Тьяполо, Ченслер, Олеарий. Государство не стремилось выжать из своих граждан последнее. Правда, в особых случаях (например, во время войны) собирался чрезвычайный налог – «десятая деньга», «пятая деньга», когда все имущество оценивалось, и в казну вносилось 10 или 20 % стоимости. Но такой налог вводил Земский Собор, решавший, что дело важное, и требуется раскошелиться «всем миром».

Когда же острой надобности не возникало, цари не мешали подданным богатеть. Человек мог развивать свое хозяйство, поставить на ноги детей. В конце концов это оказывалось выгодно и казне – в чрезвычайной ситуации она получала «десятую» или «пятую деньгу» с нажитого дополнительного богатства. И даже в случае недоимок, как указывал Олеарий, «государь… не желает допустить, чтобы хоть один из его крестьян обеднел. Если кто-нибудь из них обеднеет вследствие неурожая или по другим случайностям и несчастьям, то ему, будь он царский или боярский крестьянин, от приказа или канцелярии, в ведении которых он находится, дается пособие, и вообще обращается внимание на его дея-

тельность, чтобы он мог снова поправиться, заплатить долг свой и внести подати начальству».

Поэтому денежки у народа водились. Русские любили хорошо покушать и выпить. В документах того времени сохранилось много рецептов блюд и напитков, от которых потекли бы слюнки и у сегодняшних гурманов. Хотя пили гораздо меньше, чем сейчас – возлияния допускались только при торжествах и праздниках. В иное время пьянство ограничивалось государственной монополией на алкогольные напитки, небольшим числом кабаков и возможностью попасть в бражную тюрьму. Бывали, конечно, и пьяницы, но они считались отщепенцами, на них старалась воздействовать сельская или городская община, а если не помогало, могла и изгнать их из своей среды.

Любили наши предки и принарядиться. Мужчины носили расшитые сорочки, верхней одеждой служили долгополые, до земли, кафтаны разных видов: зипуны (более легкие), однорядки (вроде легкого пальто), праздничные терлики, ферязи. Шапки делались в виде колпака с меховой опушкой. В холодное время или для красоты носили шубы, их шили мехом внутрь, покрывая сукном или бархатом. Женщины поверх исподних и «красных» рубах наряжались в сарафаны, дополнявшиеся курточками – летниками, душегреями, телогреями. Тоже носили шубки. Замужняя баба должна была убирать волосы под сетку-волосник и платок-убрус, «опростоволоситься» считалось позором. Но девицы соору-

жали сложные и замысловатые прически, вплетали в косы не только ленты, а золотые нити и кисти, жемчужные цепочки. Выходное платье, мужское и женское, и даже голенища сапог и женские башмачки украшались золотым шитьем, тиснением, мелким жемчугом. В общем, все было ярко, нарядно, жизнерадостно.

Но в ту эпоху главными для россиян были вопросы не материальные, а духовные. Основой жизни являлось православие. Быть русским – значило быть православным. А татарин или немец, принявший православие, становился полностью своим, «русским». Сама по себе Православная Церковь была могучей силой. В ее высшую иерархию, кроме патриарха, входили 4 митрополита (Новгородский и Великолукский, Ростовский и Ярославский, Казанский и Свияжский, Сарский и Подонский), ряд архиепископов и епископов. Церковь имела патриаршьи и епископские владения, 13 тыс. храмов, 1200 монастырей, духовенство насчитывало 150 тыс. священников и 15 тыс. монахов. Был институт патриарших и митрополичьих чиновников и служилых, своя система суда «по бесчестью», хозяйственные и финансовые структуры. Светскому суду церковь была неподотчетна, кроме уголовных преступлений.

Однако к середине XVII в. в церковной жизни накопились и проблемы. О недостатках русской церкви много писали современники-иностранцы, у которых как раз и черпает сведения большинство историков. О том, что священники были

необразованны, подвержены пьянству, что в храмах русские вешали свои частные иконы и молились им, что во время службы прихожане болтали о постороннем… Да вот только доверять подобным «свидетельствам» у нас нет никаких оснований. Писали их иноверцы, заведомо чуждые православию и настроенные к нему скептически. Сами они никогда не бывали внутри русского храма, их туда не пускали, поэтому пользовались слухами и домыслами. А их критика была рассчитана на вполне определенную категорию читателей – католиков или протестантов.

Так, Таннер язвил о православных монахинях, которые, в отличие от католических, могли по делам покидать монастыри – дескать, тут уж понятно, насколько они благочестивы и целомудренны. Но его заключения основывались сугубо на своей, западной психологии, не учитывая разницы между менталитетом русских и итальянских монахинь, описанных Боккаччо. Таннер, в общем-то, и не задумывался о подобной разнице – так же, как в бане, куда пришел одетым. Не задумывался он и о том, что по психологии русских, даже самому закоренелому распутнику вряд ли пришла бы в голову мысль о допустимости согрешить с монахиней.

«Частные» иконы, скорее всего, были просто пожертвованы в храм прихожанами. А «частные» молитвы, придя в церковь, мы читаем и сейчас – ставя свечи к той или иной иконе перед началом службы или выбрав момент по ходу ее. «Необразованность» священников касалась лишь незна-

ния ими иностранных языков и латыни (которые им были не нужны) и неумения вести полемику (которая русским тоже не требовалась, их религия основывалась не на логике человеческого ошибающегося разума, а на вере). В реальности же не только священники, но и миряне отнюдь не были невеждами в вопросах богословия. Олеарий описывает, как русский пристав, услышав молитву голштинцев и разобрав имя «Иисус», заинтересовался, перекрестился и попросил перевести текст. И одобрил услышанное, сказал, «что не ожидал, чтобы немцы были такие добрые христиане и богобоязненные люди». А сотрудники датского посольства Ольделанда завели в Москве беседу «о бессмертии души» с приставом по имени Петр Иванович, «причем он с русской точки зрения давал очень убедительные ответы».

Пункты о пьянстве служителей, о неподобающем поведении прихожан в храме взяты из царских и патриарших грамот. Раз недостатки названы, то иностранцы и «обобщили» их. Хотя касались они искоренения каких-то частных случаев. Да и степень «неподобающего поведения» бывает разной. Одно дело – перемигиваться с пришедшими в церковь красотками, как было принято в католических странах, другое – шепнуть пару слов знакомому. Кампензе, описывая папе Клименту VII расхождения между догматами православной и католической церкви, отмечал: «Во всем прочем они (русские), кажется, лучше нас следуют учению Евангельскому». А Павел Алеппский, который, в отличие от про-

чих иностранцев, сам присутствовал в русских храмах, был поражен дисциплиной прихожан: «Люди стоят, будто к месту приросли, в продолжение всей службы – кто совершенно неподвижно, кто непрестанно склоняясь в молитве. Видит Бог, сколько длинна их молитва, песнопения и богослужения. Привычка сделала их нечувствительными к усталости… Удивительнее всего было видеть, как отроки и малые дети, сыновья высших государственных сановников, часами стоят с непокрытой головой, ни одним движением не выдавая своего нетерпения».

Но хватало и других проблем, реальных, а не мнимых. Наряду с официальной, существовала и толща «народной» религии. Где сохранялись, например, следы древнего язычества – в виде всевозможных колядок, святочных гаданий, масленицы, купальских игрищ, хороводов. Чаще всего о языческих истоках давно было забыто, и эти обряды стали вполне безобидными. Наоборот, они разнообразили и делали более яркой народную жизнь. Однако субстраты древних дохристианских учений просачивались и в литературу, ходили по Руси в рукописных изданиях, разносились «каликами перехожими». Кое-где в глуши возникали и секты. Распространение они получили позже, в XVIII в., когда западное «просвещение» нарушило духовное единство общества, и люди ударились в самостоятельное богоискательство. Но в виде неких «зародышей» они уже существовали. Была, скажем, секта подрешетников, предшественников «хлыстов», чьи об-

ряды во многом повторяли древние мистерии «великой матери» с экстатическими радениями, отождествлением Бога с «красным солнышком», а Богородицы с «матерью сырой землей». Издревле ведет свою родословную и секта скопцов, тоже близкая языческим культам. Каким-то образом уцелела на Руси и раннехристианская ересь монтанистов, осужденная еще во II в. и допускавшая путь к спасению через самоистязание и добровольное мученичество. Возникали и мрачные учения, близкие манихейству, где материальный мир признавался творением нечистого и призывалось к разрушению всего плотского. Скажем, в 1630-х некий старец Капитон вел проповедь «самоуморения».

Посторонние веяния проникали и из-за рубежа. Еще в XV в. нашумело дело о «ереси жидовствующих», которую занес в Новгород «жидовин именем Схария» с тремя каббалистами. А к XVII в. контакты с иностранцами стали куда более широкими. И какие-то заграничные влияния были неизбежными. Не всегда еретические, но вносившие неясности и разноголосицу в духовную жизнь. Например, новгородские и псковские мастера начали писать иконы «фряжского письма», перенимая традиции западной живописи. В таких условиях сохранение религиозной чистоты и единства приобретало особую важность. Но существовали трудности и другого порядка. Богослужебная литература долгое время была рукописной. На Руси ходили переводы с греческих и южнославянских книг – а делались они в разное время, с раз-

ных оригиналов, разными переводчиками. Вносились искажения при переписке. А для украинской униатской церкви началось печатание богослужебных книг в Италии, и они тоже попадали в Россию – попробуй, найди различия.

Сказывалось и историческое расхождение русской и греческой церквей, долго развивавшихся независимо друг от друга. Когда Русь принимала крещение, в Византии было принято совершать крестное знамение двумя перстами (что символизировало единство божественной и человеческой природы Христа), а позже в греческой церкви утвердилось знамение тремя перстами (что символизировало единство Святой Троицы). Различия были и в направлении движения крестного хода – «посолонь» (по солнцу) и «противосолонь», в служении литургии на семи или пяти просфорах, в двукратном или трехкратном славословии «аллилуйя» («хвалите Бога»). Были и другие различия, накопившиеся со временем.

Попытки унификации православных обрядов и литературы предпринимались еще при Иване Грозном, когда Стоглавый Собор осудил троеперстное крестное знамение, утвердив двоеперстие. Шла борьба с неканонической и псевдохристианской литературой. Эту работу продолжил Филарет. Поскольку много богослужебных книг погибло в пожарах Смуты, он развернул их широкое издание на Московском Печатном дворе, привлек значительный штат образованных «справщиков», выверявших тексты первоисточников. А для

подготовки квалифицированных священнослужителей открыл первые в России постоянные школы (прежде кандидаты готовились самостоятельно, после чего сдавали экзамен).

Но на Украине процесс шел быстрее и иным путем. Там православие, чтобы противостоять униатам и католикам, вынуждено было усваивать и западные богословские методики, умение вести дискуссии, ввести изучение языков, логики, риторики, философии. Одним из главных орудий иезуитов были их прекрасные школы, куда бесплатно принимали и протестантов, и православных. Причем католицизм в открытую никому не навязывался – считалось, что зароненные в души учеников «семена» должны прорасти сами по себе, исподволь. Чтобы противоборствовать иезуитам, создавались православные братства, открывавшие свои школы. А Киевский митрополит Петр Могила организовал Киево-Могилянскую академию. Но при этом он являлся врагом России и связи налаживал не с Москвой, а с Константинополем. С соответствующей разницей в обрядности. Ну а гонения на православие в Речи Посполитой не утихали, многие украинские ученые священники и монахи эмигрировали в царские владения. Что ж, Русь всегда рада была помочь единоверцам, она с удовольствием привечала хороших специалистов. Однако при контактах проявлялись упомянутые нестыковки и противоречия…

Как раз этот круг вопросов и привлек внимание Алексея Михайловича в первые годы царствования. Он и раньше был

очень набожным, большое влияние на него имели духовник Вонифатьев, протопоп Иван Неронов. А в горе, потеряв родителей, юный царь оказался особенно восприимчив к их наставлениям. Они внушали ему, что главное для государя – укрепить веру в своих подданных. Тогда и враги будут не страшны, и дела на лад пойдут, поскольку все беды «по грехам нашим». И Алексей соглашался, внимал. При нем образовался «кружок ревнителей благочестия», куда вошли священник Даниил, дьякон Иванов. Вошел и будущий патриарх Никон (Никита Минаев). Он был мордвин, родился в с. Вельдеманове Нижегородского уезда, сбежал от мачехи в Макарьевский Желтоводский монастырь, стал священником, потом постригся в монахи. Выделился грамотностью, религиозным рвением – порой клал по тысяче земных поклонов. Стал учеником, а потом и преемником игумена Кожеезерского монастыря Никодима (причисленного к лику святых). А в 1646 г., находясь в Москве, был представлен царю, понравился ему и был назначен архимандритом Новоспасского монастыря.

Боярин Морозов увлечения своего воспитанника всемерно поддерживал. Нашел себе царь занятие – ну и пусть тешится. А «мирскими» делами в государстве будет ведать сам Морозов. Он замыслил крупные реформы по европейским образцам. Не в том смысле, чтобы бороды резать – зачем чепухой заниматься? Но Борис Иванович изучил западные методы хозяйствования, управления. И решил пересадить их

на русскую почву. А главной целью поставил повышение доходов казны. Почему, допустим, наши крестьяне и посадские платят самые низкие в Европе налоги? Хотя могут платить намного больше? И первой реформой с подачи думного дьяка Чистого стало введение дополнительного налога на соль. Она считалась государственной монополией, облагалась пошлинами и стоила 1 гривну (10 коп.) за пуд (16,4 кг). Что было отнюдь не дешево: для сравнения, корова стоила 1–2 руб., овца – 10 коп. Теперь же на соль наложили дополнительную пошлину, еще в 2 гривны. Якобы заменив таким способом два отмененных налога, «стрелецкие» и «ямские деньги». Но соль в те времена была единственным консервантом для мяса, овощей, рыбы. Потребление соленой рыбы, капусты, огурцов, грибов было высоким – ведь в году насчитывалось около 200 постных дней. И по расчетам, прибыль обещала стать огромной.

Другим нововведением стал табак. При Михаиле Федоровиче его употребление запрещалось, сперва под угрозой вырывания ноздрей, потом смягчили до битья кнутом. Правительство Морозова табак разрешило. Но сделало еще одной государевой монополией. Под особое покровительство Борис Иванович взял иностранцев. Как раз в это время назрел серьезный конфликт между русским и британским купечеством. Уже упоминалось, что за посредничество в заключении мира со шведами англичанин Мерик получил право на беспошлинную торговлю по всем российским городам.

Однако за три десятилетия в компанию к нему, так сказать, под одно «юридическое лицо», поналезли другие его соотечественники, захватывая наши рынки. И в 1646 г. российские купцы подали царю челобитную, указав на эти махинации. Мол, вместо одного Мерика получилось засилье британцев, а когда московские торговцы повезли свои товары в Англию, там у них демонстративно не стали покупать ничего и откровенно насмехались, что хотят отбить у них охоту ездить за границу. Перечислялись и другие злоупотребления со стороны иностранцев.

Но… до царя эта жалоба не дошла. Морозов принял сторону англичан и именно им уступил подряд на поставки в Россию табака. А дальнейшие его реформы ударили не по иностранным, а по русским купцам. Им повелели «быть в посаде, в службе и в тягле». Гости, гостиная и суконная сотни, лишались прежних льгот и должны были нести налоговое бремя и повинности наряду с «черными сотнями». Хотя и казенные обязанности с них не снимались. Придумывались и другие меры выкачивания денег – скажем, для торговцев тканями установили железный аршин с клеймом и потребовали заменить все старые на новые (за немалые суммы). Кроме того, Борис Иванович взялся сокращать расходы. Уволил многих дворцовых слуг, а остальным урезал жалованье. Стал уменьшать оклады чиновникам, служилым. Ввел правило, что если стрельцы, казаки или пушкари попутно занимаются мелким промыслом и торгуют в год на 50 руб. и выше, жа-

лования им не давать вообще, пусть служат даром.

Царь в эти вопросы не вникал. Своему «дядьке» он доверял безоговорочно, подписывал заготовленные им указы, принимал его сторону в Думе, несмотря на сильную оппозицию, которую возглавил Черкасский. 26 сентября 1646 г., когда минул год траура, прошла коронация Алексея в Успенском соборе. И тут же началась подготовка к другому важному мероприятию – его женитьбе. На Руси совершеннолетним считался только женатый человек, да и династию требовалось подкрепить рождением наследника. После конфуза с датчанами засылать сватов за границу даже не пробовали. Очередной раз использовали древний византийский обычай выбора невесты – подданных оповестили, чтобы представили девиц нужного возраста, красивых и здоровых.

После местных «отборочных туров» в 1647 г. в Москву свезли 200 кандидаток. Их них родственники царя при участии медиков и доверенных бабок выбрали 6. (Отсеянным полагались «утешительные» подарки, а лишние «финалистки» получали приданое от государя и выдавались замуж за придворных.) Ну а Алексею из этих «финалисток» приглянулась дочь касимовского дворянина Ефимия Всеволожская… Ан не тут-то было! Старый обычай давно изжил себя, перечеркивался жестокой закулисной борьбой придворных группировок. И с Алексеем повторилась точно такая же история, как при женитьбе его отца. Выбор Ефимии многих не устроил. Очевидно, и Морозова – без него разыгранная ин-

трига не имела бы шансов на успех. Когда девушку уже стали наряжать для торжественного наречения невестой, ей так туго стянули волосы под венцом, что она упала в обморок. Тут же оговорили, что она «порченая», больна «падучей». А раз родные скрыли изъян, то это преступление. И Всеволожских сослали в Тотьму.

А Морозов, выждав некоторое время, порекомендовал царю другую невесту. Уже без всяких выборов. Дочь довольно бедного дворянина, служившего в Посольском приказе, Марию Ильиничну Милославскую. Добрую, умную, трудолюбивую, писаную красавицу. И попал «в яблочко» – она Алексею очень понравилась. Хотя ход был сделан с дальним прицелом. Потому что у Марии была младшая сестра Анастасия. И едва царь посватался к Милославским, вдовец Морозов сделал то же самое. Чтобы стать еще и родственником государя.

Впрочем, подстраховаться таким способом было для него не лишне. Поскольку его «реформы» почти сразу затрещали по швам. Соль, вздорожавшую втрое, люди попросту перестали покупать у государства. Благо тут же нашлись охотники продавать из-под полы «левую» соль, подешевле, вывезенную с промыслов нелегальным образом. А вот оптовых покупателей, вроде заготовителей рыбы, соляная пошлина крепко ударила по карману. И рыба в огромных количествах сгнила, не будучи как следует просоленной. Цены на нее круто скакнули вверх. Причем в то же время заготовленная

нераспроданная соль залеживалась в пакгаузах, раскисла от сырости и стала некондиционной. Вместо прибыли казна понесла колоссальные убытки. А заодно разорялись торговцы рыбой, солониной, гости, получившие подряды на соляную монополию. В итоге в декабре 1647 г. правительство вынуждено было отменить дополнительную соляную пошлину.

Но даже столь вопиющий прокол сошел Морозову с рук. Он же стал царским свояком! 18 января 1648 г. прошла довольно скромная свадьба Алексея и Марии. А 28 января, тоже скромная, Бориса Ивановича и Анастасии. Хотя в браках повезло только одному из них – государю, который действительно нашел с Милославской «совет да любовь». А от престарелого Морозова молоденькая женушка принялась сразу же активно погуливать на сторону, о чем знала вся Москва. По слухам, он ее и плеткой пробовал «учить», ну да ведь и русские бабы умели за себя постоять. А вот развода в православной практике не существовало, единственным способом расторжения брака был монастырь. Не зря же пословица ходила: «От злой жены только смерть спасет да пострижение». И боярину ничего не осталось делать, кроме как смириться с установившимся «статус кво».

Богдан Хмельницкий

Все в земном мире относительно, и если россияне возмущались поборами Морозова, то жителям Украины они показались бы ничтожными. Впрочем, термин «Украина» в XVII в. еще не был обозначением страны, он употреблялся в прямом смысле – «окраина». Была Русская Украйна (все южное порубежье), Польская Украйна, Сибирская Украйна. В России украинцев называли «черкасами», «казаками», а сами себя они называли «русскими». Но чтобы не сбивать с толку читателя, я буду пользоваться словами «Украина» и «украинцы» в их современном значении. Польское государство тоже отличалось от нынешнего. Это была одна из самых крупных и могущественных держав Европы, включавшая в себя Польшу, Литву, Белоруссию, Украину, южную Латвию, Пруссию, запад России. Но принципы государственности во многом были противоположны московским. Русь шла по пути централизации власти, Речь Посполитая – децентрализации. Пост короля тут был выборным, а в сейме внедрилось право «liberum veto». Достаточно было одному депутату гаркнуть «Не позволям!» – и решение не проходило. Все это привело к беспределу «шляхетских свобод», а короли стали марионетками в руках панов, способных запросто заблокировать любой их шаг.

Для народа же подобные «свободы» обернулись бедстви-

ем. По польским законам право владеть землей и недвижимостью имела только шляхта. А крестьяне, как крепостные, так и лично свободные, попадали в полную власть землевладельца – любой шляхтич обладал правом суда и расправы в своих имениях. Подати были самыми высокими в Европе. Если на Руси «десятая деньга» являлась чрезвычайным налогом, то в Польше крестьянин ежегодно отдавал 10 % от всего имущества. А в дополнение еще платил очковое (с ульев), рогатое (со скота), ставщину (за ловлю рыбы), спасное (за выпас скота), желудное (за сбор желудей), сухомельщину (за помол), дудок (при рождении ребенка), поемщизну (при заключении брака). И даже жизнь «хлопа» не была гарантирована. Современники упрекали помещиков, что они «мучат, уродуют и убивают без всякого суда своих людей». Папский нунций Руггиери отмечал, что паны, «казня крестьян ни за что, остаются свободны от всякой кары… можно смело сказать, что в целом свете нет невольника более несчастного, чем польский кмет».

Как и для России, для Польши существовала постоянная крымская опасность. Но в условиях шляхетской анархии Речь Посполитая не могла организовать таких оборонительных систем, как Москва. Единственной пограничной защитой были поднепровские и запорожские казаки. Поднепровские, как и донские, жили в укрепленных местечках и городах – Каневе, Чигирине, Киеве, Черкассах. А запорожские были «лыцарским братством» – самой отчаянной и забубен-

ной вольницей, стекающейся в Сечь. Сюда, в отличие от донского казачества, принимали всех желающих вплоть до «ляхов» и татар, если они принимали православие и выражали готовность биться с «басурманами». А промышляла эта вольница в основном морскими набегами на турецкие берега. В Поднепровье бежали и крестьяне из центральных районов Речи Посполитой. Земли тут лежали бесхозными из-за татарской угрозы, но даже и такая угроза блекла по сравнению с панским произволом. Одни крестьяне сами становились казаками, другие заводили хозяйство под их защитой. На боевые качества казаков обратили внимание и короли, Стефан Баторий решил превратить их в регулярное войско, ввел реестр – записанным в него платилось жалованье. А выборный казачий гетман (атаман) получил государственные «клейноды» – булаву, знамя, бунчук и войсковую печать.

Но в XVII в. на восточные вольные земли, освоенные казачьими саблями и плугами переселенцев, тоже стали коситься магнаты. И короли принялись раздавать их в собственность как «пустующие». Причем главные богатства нахапали вельможи, русские по крови. Потомки тех, кто первыми организовывал и возглавлял казачество: Вишневецкие, Лянцкоронские, Заславские, хотя внуки прежних казачьих гетманов уже перешли в католицизм, ополячились, порвали со своим народом. Им доставались воеводства, староства (административные единицы). И опять отметим разницу – в России воеводы назначались на 2–3 года, после чего обязаны были

дать строгий отчет, а в Польше такие посты становились наследственными. Поэтому многие магнаты были богаче и могущественнее короля. Вишневецкому принадлежало 40 тысяч крестьянских хозяйств на Полтавщине, Заславскому – 80 городов и местечек, 2760 сел, Потоцкому – все Нежинское староство, г. Кременчуг, Конецпольскому 170 городов и местечек и 740 сел на Брацлавщине. Столь же богатыми были Жолкевские, владевшие значительной частью Львовщины, не уступали им. И Сапеги, Радзивилы – хозяева литовских и западнорусских земель.

На Украину панское землевладение принесло все тот же гнет, который в связи с принятием Брестской унии дополнился наступлением на православие. Казаки и крестьяне отвечали восстаниями. Их было много. В 1595 г. – восстание Косинского, в 1596 – Наливайко и Лободы, в 1601 – в Добровнице, в 1602 – в Остре, в 1607 – в Брацлаве и Корсуни, в 1625 – восстание Жмайла, в 1630 – Тараса Федоровича (Трясило). Все они жестоко подавлялись. Гетман Сагайдачный в 1621 г., Перемышльский епископ Копинский в 1622 г., повстанцы Жмайло и Трясило засылали гонцов к царю, просясь в подданство. В Москве такие обращения обычно приветствовали, оказывали некоторую поддержку, но принимать «под государеву руку» не спешили. Во-первых, избегая войны с Польшей, а во-вторых, имея основания не совсем доверять украинцам. Потому что и во время Смуты, и Смоленской войны они, несмотря на притеснения, активно поддер-

жали поляков, отметившись на Руси грабежами и кровавыми погромами.

И действительно, идея воссоединения с Россией была далеко не всеобщей. Среди украинского простонародья еще жила вера в «доброго короля», который, по примеру царя, обуздает панское хищничество. А казачью старшину вполне устраивали польские «вольности» – но только если их самих допустят в число шляхты и магнатов. И нередко борьба украинцев за свои права разворачивалась по частным вопросам. Например, за право казачьих депутатов заседать в сейме. За «обеспечение веры». За увеличение реестра. Потому что, по польским законам, если человек не был реестровым казаком, то он был «хлопом» со всеми вытекающими последствиями. Но все потуги украинцев улучшить свое положение легитимными средствами поляками категорически пресекались.

Мало того, паны решили прижать и Запорожскую Сечь. Ведь морские походы казаков провоцировали войны со стороны Турции и набеги татар. Прежде это поляков не очень волновало – удары-то обрушивались на самих украинцев. А теперь набеги оборачивались убытками для магнатов. На войну им тоже требовалось раскошеливаться. К тому же в войну король возглавлял армию. А паны всегда опасались его гипотетического «усиления». Ну а если турок и татар не задевать, если покупать с мир с ханом ежегодной данью в 15 тыс. злотых, то она выплачивалась не магнатами, а коро-

левской казной. Да и для самих поляков Сечь была рассадником оппозиции. И в Запорожье началось строительство крепости Кодак, означавшее окончательное уничтожение остатков казачьих свобод.

Это вызвало в 1635—38 гг. цепь мощных восстаний Сулимы, Павлюка, Остряницы, Полторакожуха. Но полякам удалось переманить на свою сторону реестровых казаков, вбить клин между ними и «нереестровыми». Мятежников разгромили и учинили жесточайшие репрессии: повстанцев вешали на крюках под ребро, сажали на кол, забивали насмерть палками. Чтобы избежать расправы, многие бежали в Россию. А сейм принял «Ординацию» о новом режиме на Украине. Реестр ограничивал число казаков шестью тысячами, они теряли право выбирать гетмана и старшину – все должности становились назначаемыми. На Украине размещались коронные войска, местное управление передавалось польским чиновникам. Восстанавливалася Кодак, а в Сечи расположился польский гарнизон.

Затерроризированные казаки и крестьяне вынуждены были эти порядки принять. Но и покорность ничего хорошего им не принесла. Напротив, поляки теперь уверились в своем всесилии и безнаказанности. И распоясались совершенно. Паны привыкали вести широкий образ жизни, для чего требовались деньги. И их выжимали. Польский публицист Старовольский в работе «Перемена нравов» писал: «Никто не хочет жить трудом, всяк норовит захватить чужое; лег-

ко достается оно, легко и спускается; всяк только о том думает, чтобы поразмашистее покутить; заработки убогих людей, собранные с их слезами, иногда со шкурой, истребляют они, как гарпии или как саранча: одна особа съедает в день столько, сколько множество бедняков заработают в долгое время, все идет в дырявый мешок – брюхо». Кстати, в качестве образца «добрых нравов» и отношения к подданным, Старовольский указывал на Россию. Положительным примером в области хозяйства и политики считал Россию и польский анонимный автор «Дискурса об улучшении монеты». А такие сопоставления из уст постоянных противников Москвы, согласитесь, говорят о многом.

Эксплуатация крестьян приняла совершенно невыносимые формы. В Галиции барщина была ежедневной, не исключая праздников – католические праздники шляхта на православных не распространяла, а с православными праздниками не считалась. В Поднепровье, как сообщает Боплан, крестьянин со своей лошадью должен был трудиться на землевладельца три дня в неделю. Барщина дополнялась многочисленными поборами натурой – хлебом, гусями, курами, разовыми уплатами по тому или иному случаю. «Но это еще менее важно, чем то, что их владельцы пользуются безграничной властью не только над имуществом, но и над жизнью своих подданных… положение их бывает хуже каторжников на галерах».

Разорялись и города. Историки-«западники» Костомаров,

Соловьев и иже с ними, восхищавшиеся «магдебургским правом» в украинских городах, предпочли «забыть», что большинство из них (в Киевском и Брацлавском воеводствах – 261 из 323 городов и местечек) были в частном владении у тех же магнатов. Ну а там, где существовали свои промыслы, мещане не могли конкурировать с панами. Поскольку шляхта обладала правом беспошлинной торговли и массой других льгот. Винокурение, пивоварение, добыча руды, производство поташа считались монополиями короны, но бессильные короли, покупая расположение магнатов, давно отдали им эти монополии.

Разумеется, паны не сами вытрясали подати, торговали, курили вино. У них хватало других дел – балы, пиры, охоты, заседания в сейме и сенате. А для управления своими хозяйствами они нашли оптимальный выход – сдавать их в аренду евреям, которые были для православных чужаками, стало быть – сговор и поблажки подданным исключались. И образовывался взаимовыгодный симбиоз. Пан получал наличные и мог пускать их на ветер. А евреи-арендаторы благодаря покровительству пана могли добывать прибыль в окружении враждебного населения. Естественно, не забывали и собственный «гешефт». Под защитой хозяев они чувствовали себя неуязвимыми и наглели. Там, где пристраивался один, вскоре оказывались десятки его сородичей, знакомых, клиентов. В общем, сочли, что пришло их время наживаться. Как писал современник, «жиды все казацкие дороги за-

арендовали и на каждой миле понаставили по три кабака, все торговые места заарендовали и на всякий продукт наложили пошлину, все казацкие церкви заарендовали и брали поборы».

Ужесточались и гонения на православие. Реальными правами в Польше обладали только магнаты. И легитимные попытки отстаивать веру могли предпринимать лишь православные магнаты – Острожские, Кисели. Их покровительством обеспечивалась и деятельность православных братств. Это допускалось, это тоже входило в круг «шляхетских вольностей». Но одни, как Константин Острожский, умирали, а дети их уже были обращены в католицизм. А Адам Кисель и митрополит Могила вырабатывали проекты «новой унии» о подчинении Риму, в 1644 г. начались переговоры на эту тему. Хотя даже такой вариант католических иерархов уже не устраивал – зачем «новая уния», если старая есть? На Западной Украине православных запрещалось принимать в ремесленные цехи, на них налагались ограничения в торговле, им запрещалось участвовать в суде и местном самоуправлении, строить дома в городской черте. А родной язык не признавался официальным. То есть политика религиозной дискриминации уже перерастала в политику национальной ассимиляции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.